

Государственная
Библиотека

СССР
им. В. И. Ленина

П406-66

КИШИНЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

15-31-го м а р т а № 6 1885-го года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

1. Отъ 21—23 февраля 1885 года за № 352, о празднованіи тысячелѣтія кончины просвѣтителя славянъ св. Меодія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали и имѣли сужденіе о предстоящемъ празднованіи имѣющаго совершиться 6 апрѣля сего года тысячелѣтія со дня кончины просвѣтителя славянъ св. Меодія, архіепископа моравскаго. И, по справкѣ, приказал и: Признавая необходимымъ навсегда запечатлѣть въ благоговѣйной памяти православныхъ чадъ русской церкви имена славянскихъ первоучителей, святыхъ Меодія и Кирилла, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ учинить для сего слѣдующее: 1) въ молитвахъ на литіи, по Евангеліи, на утрени предъ канонемъ, на отпустахъ, а равно во всѣхъ молитвахъ, въ коихъ поминаются имена святителей вселенскихъ и русской церкви—помянуть непосредственно послѣ имени святителя Николая, архіепископа мур-

ликійскаго чудотворца, имена «иже во святыхъ отецъ нашихъ Меодія и Кирилла учителей словенскихъ»; 2) день блаженной кончины св. Меодія, архіепископа моравскаго, внести въ мѣсяцесловъ подъ числомъ 6 апрѣля; 3) празднованіе памяти св. Меодія и Кирилла 11 мая отнести къ среднимъ церковнымъ праздникамъ и для сего въ печатаемыхъ мѣсяцесловахъ означить это, какъ принято, крестомъ въ полукругѣ; 4) 14 февраля, въ день блаженной кончины прендобнаго Кирилла, учителя словенскаго, и 6 апрѣля, въ день преставленія св. Меодія, архіепископа моравскаго, отправлять полчелей, и 5) разрѣшить 6 апрѣля сего года повсемѣстно совершеніе крестныхъ ходовъ и всеневный болокольный звонъ. Для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія объявить о семъ по духовному вѣдомству чрезъ напечатаніе въ «Церковномъ Вѣстникѣ», сообщивъ редакціи сего журнала выписку изъ настоящаго опредѣленія.

І Отъ 25—28 февраля 1885 года за № 366, объ отмѣнѣ ношенія свѣтскихъ знаковъ отличія духовными лицами при совершеніи богослуженія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. сиподальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 28 сего февраля, за № 843, коимъ объявляетъ Святѣйшему Синоду, для зависящихъ распоряженій, о томъ, что Государь Императоръ, имѣя въ виду, что существующій обычай носить жалуемые духовнымъ лицамъ ордена, медали и прочіе свѣтскіе знаки отличія при отправленіи богослуженія и надѣвать оныя по верхъ священныхъ облаченій,—не находя основанія въ уставахъ орденовъ,—не представляется соотвѣтствующимъ священнодѣйствию въ лицѣ совершающихъ оное, въ 23 й день сего февраля, Высочайше повелѣть соизволилъ: отмѣнить ношеніе свѣтскихъ знаковъ отличія духовными лицами при совершеніи богослуженія въ священномъ облаченіи. Исключеніе изъ сего правила допускается примѣнительно къ 373 ст. Учрежд. орд., лишь для знаковъ ордена св. великомученика Георгія, наперсныхъ крестовъ на георгиевской лентѣ, жалуемыхъ за военное время, и для та-

ковыхъ же крестовъ, пожалованныхъ въ память войны 1853—1856 гг. Приказали: Объ изъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи, для зависящихъ распоряженій и исполненія, дать знать по духовному вѣдомству, циркулярно, чрезъ «Церковный Вѣстникъ».

III. Отъ 19—28 февраля 1885 года за № 308, о закрытіи присутствія (по дѣламъ правосл. духовенства и измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій касательно устройства церковныхъ приходовъ и состава причтовъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 17 февраля 1885 г. за № 719, слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 21 декабря—25 января 1884—85 года, въ 16 день текущаго февраля, Высочайше соизволилъ: а) на закрытіе Высочайше утвержденнаго 28 іюня 1862 года присутствія по дѣламъ православнаго духовенства и б) на приведеніе въ дѣйствіе изложенныхъ въ томъ опредѣленіи предположеній Святѣйшаго Синода объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій касательно устройства церковныхъ приходовъ и состава причтовъ, и 2) справку, по коей оказалось: Святѣйшій Синодъ 21 декабря—25 января 1884—85 года опредѣлилъ: I. Установить на будущее время нижеслѣдующія правила о составѣ приходовъ и причтовъ: 1) Епархіальнымъ преосвященнымъ предоставляется возстановлять самостоятельные причты, по просьбамъ прихожанъ и при наличности достаточныхъ по мѣстнымъ условіямъ средствъ содержанія, при такихъ церквахъ, которыя, на основаніи прежнихъ штатовъ или особыхъ разрѣшеній Святѣйшаго Синода, были приходскими, а по новымъ штатнымъ росписаніямъ, составленнымъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 16 апрѣля 1869 года постановленія присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, вошли въ составъ другихъ приходовъ, безъ назначенія къ нимъ особыхъ причтовъ; при чемъ на учрежденіе новыхъ причтовъ во вновь открываемыхъ приходахъ и на всякое измѣненіе

въ штатномъ составѣ существующихъ причтовъ епархіальныя преосвященные и впредь имѣютъ испрашивать разрѣшеніе Святѣйшаго Синода. 2) Всѣ приходскія церкви, вошедшія по новымъ штатнымъ росписаніямъ въ составъ соединенныхъ приходоѡ, съ сохраненіемъ при нихъ, или съ назначеніемъ къ нимъ вновь, особыхъ священниковъ и причетниковъ, выдѣливъ съ ихъ прихожанами изъ состава соединенныхъ приходоѡ, признать самостоятельными, о чемъ и предоставить мѣстнымъ преосвященнымъ сдѣлать надлежащее распоряженіе. 3) Съ признаніемъ всѣхъ церквей, имѣющихъ свои причты, самостоятельными, раздѣленіе священниковъ на настоятелей и помощниковъ настоятеля отмѣнить. 4) Отмѣнивъ также раздѣленіе причетниковъ на псаломщиковъ и исправляющихъ должность псаломщика, предоставить всѣмъ состоящимъ при церквахъ причетникамъ званіе псаломщика. 5) Во всѣхъ епархіяхъ, за исключеніемъ западныхъ и за кавказскихъ, церковныя причты въ приходоѡ, имѣющихъ менѣе 700 душъ мужскаго пола, состоятъ изъ священника и псаломщика, а въ приходоѡ, имѣющихъ болѣе 700 душъ—изъ священника, діакона и псаломщика. Въ городахъ, а равно и въ селахъ, при существованіи особыхъ мѣстныхъ средствъ къ обезпеченію духовенства, преосвященнымъ предоставляется назначать діаконоѡ и при меньшемъ числѣ прихожанъ. 6) Если при приходской церкви состоятъ два священника или болѣе, то въ составъ причта входятъ діаконъ и псаломщики, соотвѣтственно съ числомъ священниковъ, по одному на каждаго. 7) Въ случаѣ неимѣнія въ епархіи кандидатовъ для замѣщенія свободныхъ священническихъ мѣстъ изъ окончившихъ въ семинаріи полный курсъ богословскихъ наукъ, предоставить преосвященнымъ рукополагать во священники лицъ, кои, по научному образованію, безукоризненной нравственности и знанію чина богослуженія, вполне соотвѣтствуютъ требованіямъ сего сана. 8) Въ діаконскій санъ могутъ быть посвящаемы воспитанники семинаріи по окончаніи ими курса, а равно и такія лица, кои, по своимъ нравственнымъ качествамъ и познаніямъ, будутъ признаны епархіальнымъ преосвященнымъ достой-

ными посвященія въ сей санъ. Прохожденіе діаконскаго служенія, будучи естественнымъ подготовленіемъ къ священству, соединяется, по возможности, съ обязанностями законоучителя и учителя въ начальныхъ школахъ. 9) На должность псаломщика, при недостаткѣ въ лицахъ, окончившихъ курсы въ духовныхъ семинаріяхъ, епархіальнымъ преосвященнымъ представляется назначать лицъ безукоризненнаго поведенія, твердыхъ въ знаніи церковнаго устава и искусныхъ въ чтеніи и пѣніи церковномъ. 10) Впредь до пересмотра правилъ штатнаго содержанія духовенства, получаемое нынѣ членами причтовъ жалованье производить имъ и преемникамъ ихъ на существующемъ основаніи, въ нынѣ получаемыхъ ими размѣрахъ, а о распредѣленіи окладовъ, освобождающихся въ случаѣ закрытія цѣлыхъ причтовъ, или отдѣльныхъ вакансій въ ихъ составѣ, представлять на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода. П. Предоставить г. синодальному Оберъ-Прокурору повергнуть вновь составленныя правила на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе и утвержденіе и испросить Высочайшее соизволеніе на закрытіе учрежденнаго 28 го іюня 1862 года присутствія по дѣламъ православнаго духовенства съ передачею дѣлъ сего присутствія въ Святѣйшій Синодъ, на введеніе въ дѣйствіе означенныхъ правилъ и отмѣну, въ соотвѣтствіе съ симъ, нижеслѣдующихъ постановленій: а) примѣчанія къ 81 статьѣ Устава духовныхъ консисторій, и б) заключающихся въ Высочайше утвержденныхъ журналахъ присутствія по дѣламъ православнаго духовенства:— отъ 16 го апрѣля 1869 года статей: I, II пунктовъ 1, 2, 3 и 7, III и IV пунктовъ 1, 2, 3 и 5;— отъ 20 марта 1871 года статей: I, II, III, V и VI;—отъ 24 марта 1873 года § 19 приложения;—отъ 7 апрѣля 1873 года статей: I, III, IV, пунктовъ 1, 2 и 3, VII; отъ 27 декабря 1875 года статей: II, III и VII пункта 1;—отъ 17 января 1876 года статей: I, III, пунктовъ 1, 2 и 3, и V;—отъ 24 апрѣля 1876 года статьи I и отъ 2 апрѣля 1877 года статей: I, II до пункта б) III, IV и V. Приказали: Объ изъясненномъ Высочайше утвержденномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, для подлежащихъ по оному распоря-

женій и исполненія, дать знать всёмъ епархіальнымъ преосвященнымъ печатными указами, пояснивъ въ оныхъ, что при распредѣленіи доходовъ между членами причта соблюдаются по прежнему Высочайше утвержденныя 24 марта 1873 года правила, за исключеніемъ изложеннаго въ сихъ правилахъ § 19, причемъ относительно раздѣла собственно кружечныхъ доходовъ между членами причта должно быть принято на будущее время слѣдующее положеніе: При составѣ причта изъ двухъ членовъ—священника и псаломщика, первый изъ доходнаго рубля получаетъ 75 к., а послѣдній 25 к. При трехчленномъ составѣ причта священникъ получаетъ 50 к., діаконъ $33\frac{1}{3}$ к., псаломщикъ $16\frac{2}{3}$ к. При пятичленномъ составѣ каждый священникъ получаетъ по 60 к. изъ доходнаго рубля, діаконъ по 20 к. изъ каждой кружки, и каждый псаломщикъ по 20 к. При семичленномъ составѣ священникъ получаетъ $64\frac{2}{7}$ к., діаконъ по $14\frac{2}{7}$ к. изъ каждой кружки, псаломщикъ $21\frac{3}{7}$ к. При девятичленномъ составѣ священникъ получаетъ $66\frac{6}{9}$ к., діаконъ по $11\frac{1}{9}$ к. изъ каждой кружки, псаломщикъ $22\frac{2}{9}$ к. Въмѣстѣ съ симъ для напечатанія объ означенномъ Высочайшемъ повелѣніи во всеобщее свѣдѣніе сообщить редакціи «Церковнаго Вѣстника».

IV. Отъ 12—27 февраля 1885 года, за № 228, объ учрежденіи при Св. Синодѣ особаго Совѣта для завѣдыванія церковно-приходскими школами.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 24 января 1885 г., за № 370, слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 19 декабря—9 января 1884—85 года, Высочайше соизволилъ, въ 19 день января сего года, на учрежденіе при Святѣйшемъ Синодѣ особаго Совѣта для завѣдыванія церковно-приходскими школами, на изъясненныхъ въ томъ опредѣленіи основаніяхъ. Справка: по Высочайше утвержденному 12 января 1882 года положенію комитета министровъ духовному вѣдомству предоставлено войти въ разсмотрѣніе

вопроса объ обезпеченіи за православнымъ духовенствомъ надлежащаго вліянія на народное образованіе и объ изысканіи источниковъ для оказанія духовенству необходимой для того поддержки. По обсужденіи означеннаго вопроса признано, что для достиженія изъясненной цѣли самую важную мѣрою должно быть предоставленіе православному духовенству большей самостоятельности и преподаніе ему болѣе опредѣлительныхъ правилъ по устройству и завѣдыванію церковно-приходскими школами и другими начальными народными училищами, отрываемыми духовенствомъ, и что лишь при благоприятномъ осуществленіи этой главной мѣры можно будетъ, сообразуясь съ разрѣшеніемъ оной, войти въ дальнѣйшія соображенія о мѣропріятіяхъ по означенному вопросу. Составленныя на семъ основаніи Синодомъ правила о церковно-приходскихъ школахъ удостоены Высочайшаго утвержденія въ 13 день іюня 1884 года и предложены при указѣ Святѣйшаго Синода, отъ 12 іюля 1884 года, къ свѣдѣнію и надлежащему исполненію во всей Имперіи, за исключеніемъ епархіи рижской и великаго княжества финляндскаго. Въ настоящее время представляется необходимость приступить къ разсмотрѣнію другихъ предположеній, имѣющихъ цѣлю упрочить надлежащее вліяніе православнаго духовенства на народное образованіе. вмѣстѣ съ тѣмъ по силѣ вновь изданныхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, возлагающихъ на Святѣйшій Синодъ высшее завѣдываніе сими школами, на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода имѣютъ поступать всѣ тѣ представленія и предположенія епархіальныхъ управленій, относящіяся до означенныхъ училищъ, по коимъ, на основаніи означенныхъ правилъ, требуется рѣшеніе Святѣйшаго Синода, а также вопросы и заявленія, возникающіе въ епархіяхъ по случаю введенія сихъ правилъ, каковы преимущественно предположенія и вопросы о программахъ преподаванія, объ учебникахъ и вообще книгахъ для школъ, о распределеніи пособій изъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи Святѣйшаго Синода, и т. п. Въ виду сего и принимая во вниманіе особливую важность въ настоящее время какъ наиболѣе удовлетворительнаго рѣшенія общаго вопроса объ

упроченіи надлежащаго вліянія православнаго духовенства на народное образованіе, такъ и въ частности наилучшаго по возможности устройства церковно-приходскихъ школъ и правленія оными, Святѣйшій Синодъ призналъ полезнымъ для дальнѣйшей разработки означеннаго вопроса, а равно для завѣдыванія названными школами учредить при Святѣйшемъ Синодѣ особый Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ присутствующихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ архіереевъ, съ предоставленіемъ синодальному Оберъ-Прокурору, по соглашенію съ предсѣдателемъ Совѣта, избрать помощника предсѣдателя для замѣщенія его на случай отсутствія, и назначить четырехъ членовъ изъ лицъ, близко знакомыхъ съ положеніемъ народнаго образованія, съ тѣмъ, чтобы предметы вѣдѣнія и занятій совѣта были точно опредѣлены въ особой инструкціи, имѣющей быть преподанною сему Совѣту отъ Святѣйшаго Синода; переписку же по дѣламъ Совѣта возложить на состоящее при синодальной канцеляріи дѣлопроизводство по церковно-приходскимъ школамъ. Въ осуществленіе таковыхъ предположеній Святѣйшій Синодъ 19 декабря — 9 января 1884—85 года опредѣлилъ: предоставить г. синодальному Оберъ-Прокурору повергнуть означенныя предположенія Синода на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе и утвержденіе. Приказали: Для напечатанія во всеобщее извѣстіе объ изъясненномъ Высочайшемъ соизволеніи на учрежденіе при Св. Синодѣ особаго Совѣта для завѣдыванія церковно-приходскими школами сообщить редакціи «Церковнаго Вѣстника».

Объ отпускѣ лѣса изъ казенныхъ дачъ на постройку зданій для церковно-приходскихъ школъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 11 января 1885 года за № 388, слѣдующаго содержания: Министръ государственныхъ имуществъ, отъ 20 декабря 1884 года сообщилъ,

что во ввѣреніе ему министерство начали поступать ходатайства объ отпускѣ лѣса изъ казенныхъ дачъ на постройку зданій для церковно-приходскихъ школъ, устраиваемыхъ въ селеніяхъ на основаніи правилъ, Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 года. Призывая вполнѣ необходимымъ придти на помощь столь полезному вновь возникающему учрежденію и принявъ во вниманіе: 1) что упомянутыми правилами не опредѣлено, какими именно пособиями и въ какомъ размѣрѣ церковно-приходскія школы могутъ пользоваться отъ казны и 2) что по 292 ст. лѣснаго устава министру государственныхъ имуществъ предоставлено право на отпускъ лѣса изъ казенныхъ дачъ для сельскихъ училищъ за половинную по таксѣ цѣну, министръ государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ государственнымъ контролеромъ, испросилъ 3 декабря 1884 года Высочайше Его Императорскаго Величества соизволеніе распространить дѣйствіе означенной статьи закона и на вновь открываемыя въ селеніяхъ церковно-приходскія школы, съ тѣмъ, чтобы всѣ ходатайства объ отпускѣ лѣса для этихъ школъ возбуждались чрезъ мѣстное епархіальное начальство. Вслѣдствіе сего министръ государственныхъ имуществъ просить сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ возбуждаемыя по отпуску лѣса для сельскихъ церковно-приходскихъ школъ ходатайства направлялись епархіальнымъ начальствомъ въ мѣстныя управленія государственными имуществами, для доставленія послѣдними министерству необходимыхъ свѣдѣній и заключенія о возможности просимаго отпуска. Приказали: О содержаніи вышеизложеннаго отзыва министра государственныхъ имуществъ сообщить всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ печатными указами для надлежащаго съ ихъ стороны распоряженія.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА

О празднованіи тысячелѣтія кончины просвѣтителя славянъ Св. Меодія.

По указу Его Императорскаго Величества, въ Кишиневской Духовной Консistorіи по выслушаніи: а) отношенія славянскаго благотворительнаго общества, отъ 20-го февраля сего года за № 491-мъ, въ коемъ между прочимъ написано, что во исполненіе опредѣленія Св. Синода отъ 25 апрѣля 1884 года, чествованіе 1000-лѣтія со дня блаженной кончины Св. Меодія, Архіепископа Моравскаго, просвѣтителя славянъ, должно произойти слѣдующимъ образомъ: на канунъ 6-го апрѣля сего 1885 года всенощное бдѣніе, а въ самый день божественная литургія съ торжественнымъ, по окончаніи оной, молебствіемъ Славянскимъ первоучителямъ, Святымъ Меодію и Кириллу и съ возглашеніемъ на ономъ многолѣтія Царствующему Дому, Святейшему Синоду, Правительствующему Синодиту, Всероссийскому воинству и всѣмъ Православнымъ Христіанамъ, — должно быть совершено повсемѣстно, во всѣхъ Монастыряхъ и Церквахъ Русскихъ, — въ Каѳедральныхъ соборахъ — самими епархіальными Преосвященными, а въ отсутствіи ихъ викаріями, гдѣ таковыя имѣются, въ монастыряхъ, прочихъ соборахъ и приходскихъ церквахъ, равно и домовыхъ настоятелями оныхъ въ сослуженіи прочихъ членовъ причта. При совершеніи таковыхъ богослуженій обязательно должны быть произнесены приличныя торжеству и случаю поученія съ изображеніемъ жизни, трудовъ и заслугъ Славянскихъ первоучителей на пользу православной церкви, всего славянскаго міра, въ томъ числѣ и русскаго народа. При этомъ славянское общество проситъ Его Высокопреосвященство предложить, чрезъ отцовъ благочинныхъ, настоятелямъ православныхъ церквей кишиневской епархіи — по возможности заблаговременно предварить православный народъ съ церковныхъ каѳедръ, въ проповѣдяхъ, о предстоящемъ чествованіи 1000-лѣтія со дня блаженной кончины св. Меодія и о важномъ зна-

ченіи этого дня, и б) послѣдовавшей на этомъ отношеніи резолюціи Его Высокопреосвященства, слѣдующаго, между прочимъ содержанія: «предписать благочиннымъ къ исполненію». Постановлено: о вышеизложенномъ для свѣдѣнія и должнаго въ чемъ слѣдуетъ исполненія дать знать духовенству кишиневской епархіи, чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ циркулярными указами.

Рукоположень: 24 февраля окончившій курсъ семинаріи Михаилъ *Доносъ* во священника на предоставленное ему мѣсто въ селѣ Васіенахъ 5 округа оргѣвскаго уѣзда.

Опредѣлены: 4 марта завѣдующій Чимишлийскимъ двухкласснымъ народнымъ училищемъ окончившій курсъ семинаріи Андрей *Димитріевъ* на священническое мѣсто къ церкви села Ново-Троянъ аккерманскаго уѣзда на мѣсто священника Василя *Балжаларскаго* перемѣщеннаго къ Ренинской соборной церкви; 7 марта сверхштатный причетникъ села Балгоуць хотинскаго уѣзда Теофилъ *Комержанъ* на штатную псаломщичью вакансію въ соединенномъ Бырновскомъ приходѣ 2 округа сороксккаго уѣзда.

Перемѣщены: 2 марта священникъ соборной г. Оргѣва церкви Теодоръ *Мавро*, на священническое мѣсто къ Николаевской того же города церкви, на мѣсто умершаго священника Георгія *Чекана*, 2 марта священникъ Георгіевской церкви села Ново-Троянъ 4 округа аккерманскаго у. Василій *Балжаларскій* къ Ренинской соборной церкви на мѣсто священника Владиміра *Дукова* перемѣщеннаго въ с. Резены кишиневскаго уѣзда.

Уволены: 10 марта іеромонахъ Суручанскаго скита *Іосифъ* отъ экономической должности въ семь скитѣ, исправленіе которой поручено монаху того же скита *Диатоліо*, 10 марта монахиня Кошелевскаго женскаго скита *Аѳанасія* отъ экономической должности въ семь скитѣ, по болѣзни.

Утверждена: 10 марта монахиня Кошелевскаго скита *Анастасія* въ должности экономы на мѣсто уволенной отъ оной монахини *Аѳанасіи*.

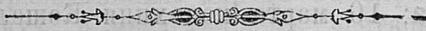
Назначены: 23 февраля священникъ м. Татарбунаръ Левъ *Адельевъ* помощникомъ благочиннаго 3 округа аккерманскаго уѣзда, 27 февраля священникъ села Буцень 2 округа кишиневскаго уѣзда Іоаннъ *Кишка* окружнымъ духовникомъ, согласно выбору мѣстнаго духовенства, 27 февраля священникъ с. Логанешть 2 округа киш. уѣзда Аванасій *Делинскій* вторымъ наблюдателемъ за церковно-приходскими школами въ семь округѣ, 10 марта священникъ села Гура-Галбины Іоаннъ *Корлотянъ* депутатомъ слѣдователемъ по 2 округу бендерскаго уѣзда на мѣсто уволеннаго отъ сей должности священника Георгія *Апостолова*.

Умерли: 6 февраля заштатный причетникъ села Стурзень 2 округа бендерскаго уѣзда Василій *Баланъ*, 26 фев. г. Оргѣва Николаевской церкви священникъ Георгій *Чекавъ*.

27 февраля согласно ходатайству директора народныхъ училищъ бессарабской губерніи священникъ Георгій *Апостоловъ* освобожденъ отъ обязанности законоучителя въ Чимишлийскомъ народномъ училищѣ, а преподаваніе въ этомъ училищѣ Закона Божія поручено окончившей курсъ въ кишиневскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ дѣвицѣ Аполинари *Василькевичъ*.

28 февраля на отношеніи г. директора народныхъ училищъ бессарабской губерніи, въ коемъ свидѣльствуетъ объ особенномъ усердіи священника села Авдармы Григорія *Бабченка* по преподаванію Закона Божія въ мѣстномъ народномъ училищѣ, резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: «объявить признательность епархіальнаго начальства».

По опредѣленію Св. Синода отъ 7—24 сентября 1883 года за № 1740 назначена къ производству съ 1 января 1884 года изъ кишиневскаго губернскаго казначейства пенсія заштатнымъ священникамъ: с. Яловень Исаи *Караману* и с. Рошканъ Мануилу *Гонца*, по 130 руб. каждому.

— 111 —
Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

КИШИНЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

15 — 31-го марта № 6 1885-го года.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬМЫЙ

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ВАІЙ,

сказанное Высокопреосвященнымъ Сергіемъ, Архіепископомъ Кишиневскимъ,
въ наведральномъ соборѣ, 17-го марта.

*И виде Іисусъ въ церковь, и изиде
вся, продающія и купующія въ церкви.*

Матѣ. 21, 12.

Послѣ какъ Іисусъ Христосъ совершилъ свой царскій входъ во Іерусалимъ, между первыми дѣйствіями Его всемогущества было очищеніе храма отъ неприличной купли и продажи. Въ церковныхъ притворахъ, близъ самаго святилища, происходила торговля не только жертвенными, но и другими, не священными предметами. Изгоняя оскорбителей святыни, Онъ грозно упрекалъ ихъ: «Домъ Мой—домъ молитвы; а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ».

Дважды Господь изгонялъ торжниковъ изъ храма. Какое Онъ имѣлъ къ сему побужденіе,—это ученики Его объяснили словами псалма: *жалость дому твоего съиде Мл*

(Иоан. 2, 17). Святой и Божественный, Онъ не потерпѣлъ, чтобы святыня оскверняема была мерзостію злоупотребленій. Виновные безчинники тотчасъ повиновались, и уходили. Но коварные фарисеи, всюду наблюдавшіе за Христомъ, и старавшіеся уловить Его словомъ, спрашивали у Него: *кою властію сія твориши? «Какимъ знаменіемъ докажешь ты намъ, что имѣешь власть такъ поступать?»* Христось отвѣчалъ имъ: *Разорите церковь сію, и три дни воздвигну ю. Онъ глаголаше о церкви тѣла своего* (ст. 18—20), и въ семь своемъ отвѣтѣ указалъ на ихъ злоумышленіе противъ Него, на свою готовность принять смерть за то, чему училъ и о чемъ ревновалъ, и на свое воскресеніе, въ которомъ основаніе нашей вѣры и церкви.

Такова ревность истинная: она одушевляется силою, но и проникнута самоотверженіемъ. Писалъ апостоль Павелъ къ Коринтянамъ: *Ревную по васъ Божіею ревностію* (2 Кор. 11, 2). Замѣтивъ неприличныя пиршества въ мѣстахъ богослуженія, онъ властно обличалъ нарушителей порядка: *Еда домовъ не имате, во еже ясти и пити* (1 Кор. 11, 22); видя козни лжеучителей, убѣжденіями и запрещеніями отклонялъ своихъ вѣрныхъ учениковъ отъ нихъ; угрозы и гоненія не останавливали его святой ревности; за нее безбоязненно преклонилъ онъ подъ мечъ и главу свою.

Такою же ревностію прославились и многіе пастыри церкви. Изъ нихъ укажемъ, для примѣра, на просвѣтителя славянъ, иже во святыхъ отца нашего, архіепископа Меодія, въ честь котораго, чрезъ три недѣли, будетъ совершенно празднованіе во всей Россіи и въ прочихъ славянскихъ странахъ, по случаю исполняющагося тысячелѣтія со дня его кончины. Ревность его объ утверженіи славянъ въ вѣрѣ православной возставила противъ него множество враговъ, которые достигли того, что заключили его въ темницу, и держали въ ней около трехъ лѣтъ, нанося ему не только душевное томленіе, но и тѣлесное озлобленіе. Однакоже это не ослабило его пламенной ревности, и освободившись отъ узъ, онъ съ прежней силой

дѣйствовалъ въ пользу православія, а одного изъ своихъ сильныхъ противниковъ, подъ видомъ помощи вредившаго святому его дѣлу, неустрашимо и всенародно предалъ отлученію.

Иной подумаетъ: «все это касается пастырей церковныхъ, а не мірскихъ людей». — Нѣтъ. По выраженію одного святаго отца, «ревность есть ограда вѣры»¹⁾. Въ этой оградѣ всѣ православные призваны стоять на стражѣ, — утверждать другъ друга въ послушаніи святой церкви, остерегаться и остерегать отъ лжеучителей и соблазнителей, имѣть готовность, чтобы потерпѣть насмѣшки и непріятности за свое чистое исповѣданіе. Наконецъ всѣ мы обязаны *быти ревнители добрымъ дѣломъ* (Тит. 2, 14). А это такъ важно, что еще древніе учителя церкви о своемъ времени говорили: «Еслибы всѣ христіане жили, какъ христіане; то не осталось бы между нами ниодного язычника». Аминь.

С В Я Т Ы Е

К И Р И Л Л Ъ и М Е Т О Д І Й,

АПОСТОЛЫ СЛАВЯНСКІЕ²⁾.

Въ прежнее время, когда Христосъ жилъ на землѣ во плоти, и послѣ того, когда апостолы ходили по разнымъ странамъ и разносили Слово Божіе, тогда самое большое государство въ мірѣ было римское. Ему были подвластны всѣ земли вокругъ теплаго Средиземнаго моря: земля греческая, и египетская, и еврейская, гдѣ Христосъ родился и пострадалъ.

Дунай—рѣка тоже была римская; туда рано дошло Христово ученіе.

Былъ въ томъ же царствѣ римскомъ, не далеко отъ Аѳонской горы, большой городъ Солунь, и въ немъ, еще

¹⁾ Григ. Бог. част. II, стр. 270.

²⁾ Изданіе С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

во времена апостольскія, было много христіанъ. Держали римское царство императоры, что жили въ городѣ Римѣ. Сначала они были всё невѣрные: гнали христіанъ, и много тогда пролилось праведной крови. Въ Солунѣ—городѣ тоже были мученики. Въ соборѣ солунскомъ почивали мощи святаго великомученика Дмитрія и отъ нихъ предивныя чудеса творились.

Отъ гоненій христіанская вѣра не погибала, лишь больше народу приходило ко Христу.

Наконецъ осѣнила Божія благодать императора Константина: ему явился крестъ на небѣ, и онъ увѣровалъ. И гоненія перестали. Константинъ далъ христіанамъ въ своемъ царствѣ волю и взялъ ихъ къ себѣ въ милость: и по немногу стала вѣра въ идоловъ въ римскомъ государствѣ пропадать.

Когда позналъ Христа императоръ Константинъ, то показалось ему, что онъ совсѣмъ сталъ новымъ человекомъ, что и царство его обновилось и что жизнь должна быть уже иная. Покинулъ императоръ древнюю столицу—Римъ и переѣхалъ на житье къ востоку, близко къ берегу Чернаго моря, въ городъ Византію; назвалъ этотъ городъ по своему имени Константинополемъ. И скоро стала новая столица богаче и красивѣе стараго Рима. Другіе народы прозвали ее Царьградомъ.

Въ старомъ же Римѣ остался жить патриархъ, иначе папа римскій.

Въ Царьградѣ былъ свой патриархъ. Еще были патриархи: александрійскій, антиохійскій и іерусалимскій. Каждый имѣлъ свою область и всё между собою считались равными.

Тогда не было раздѣленія между православными и римскими католиками: у всѣхъ была одна христіанская вѣра. Папа римскій былъ такой же православный, какъ и прочіе патриархи. Во дни гоненій римскіе папы стояли за вѣру: нѣкоторые изъ нихъ принимали мученіе и были святыя.

Когда стали появляться ереси, то всё патриархи собирались вмѣстѣ и соборно тѣ ереси осуждали,—хранили нерушимость завѣтовъ апостольскихъ.

Семь было вселенскихъ соборовъ.

Римское царство было великое: между разныхъ его концовъ стояли горы и лежали моря, и долгіе были переѣзды изъ края въ край. Одному государю трудно было управлять. И раздѣлилось это царство пополамъ. Стало два государства: восточное греческое, иначе Византійское, и западное римское, — и два императора, одинъ въ Царьградѣ, другой въ Римѣ.

Утвердилась вѣра въ римскомъ государствѣ и въ греческомъ, но много еще было народовъ на востокъ и на сѣверѣ, въ степяхъ и въ лѣсахъ непроходныхъ, куда не доносилось Слово Христово. И не могли эти люди быть спасены, потому что не знали Спасителя.

Богъ же всѣхъ одинаково жалѣеть и всѣхъ зоветъ на свою вечерю. Сказано въ Евангеліи: *Глаголю же вамъ, яко мнози отъ востокъ и западъ приидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, и Исаакомъ, и Иаковомъ во царствіи небеснѣмъ* (Мѡ.гл. 8, 11).

И словно птицы стаи, что снимаются съ мѣсть и тянутся перелетомъ туда, гдѣ чуютъ весну, двинулись съ восточной стороны толпы новыхъ народовъ: обступили тѣсно римское царство и еще тѣснѣй царство греческое. Сперва пришли Готы, по нашему по-нынѣшнему Нѣмцы. За ними Обры пришли. Всѣ эти Обры ѣздили на коняхъ и ѣли конское мясо. Греческіе и римскіе люди прозвали новыхъ людей варварами.

Стали эти варвары проходить, то взадъ, то впередъ, вдоль Дуная—рѣки и по окрестнымъ странамъ. Гдѣ они шли, впереди ихъ города стояли богатые, а позади оставались лишь камни да уголья. Въ иныхъ мѣстахъ весь народъ изгубили враги: кого смерти предали, а кого въ плѣнъ къ себѣ взяли—въ невольники. Плѣнные христіане выучивались среди невѣрныхъ ихъ языкамъ и говорили о Христѣ: и оттого принималась у варваровъ христіанская вѣра. И лучше дѣлались варвары въ христіанствѣ: меньше убивали и мучили людей.

Черезъ нѣкоторое время Нѣмцы стали крещенные, и тогда они перешли за Дунай къ сѣверу. Тамъ и теперь живутъ.

Обры тоже выбрали себѣ мѣсто: взяли рядомъ съ нѣмцами землю, что называлась Панноніей. Только они во Христа не увѣровали, все были дики: за то и пропало скоро ихъ племя, забыли про нихъ народы.—Когда варвары ушли, греческое царство осталось въ большомъ разореніи: многія земли стояли пустыя и ничьи.

Воевалъ иногда противъ Грековъ, вмѣстѣ съ Нѣмцами и съ Обрами, еще одинъ народъ ни на тѣхъ, ни на другихъ непохожій. То были Славяне. Не были они такъ свирѣпы, какъ Нѣмцы и Обры, не столько сдѣлали зла, и потому объ нихъ сначала меньше было говору.

Когда же Нѣмцы и Обры отодвинулись прочь съ Дуная, то Славяне стали приходять сплошными толпами. Все равно какъ весною вода набѣгаетъ съ горъ, такъ они прибывали. Откуда они брались, никто не зналъ; слышно было, что они уже давно живутъ, на востокъ отъ Царьграда, на большой равнинѣ, что теперь зовется Россіей.

Просили Славяне греческаго царя, чтобы имъ дозволено было селиться на разоренныхъ земляхъ: царь имъ дозволилъ. И разошлись они по Дунаю и между горъ Балканскихъ, до самаго моря. Другія колѣна того же славянскаго племени прошли вверхъ по притокамъ Дуная, ближе къ Нѣмцамъ, и стали тамъ жить подъ разными именами. По рѣкѣ Моравѣ—то были Мораване, къ западу отъ нихъ Чехи. На сѣверъ отъ Чеховъ есть луговья долины: тамъ народъ славянскій сталъ называться Сербами—Лужичанами. Къ востоку, по Вислѣ-рѣкѣ, жили Поляки. Еще были славянскія колѣна: Сербы съ Хорватами, Словинцы, Словаки и многія другія,—все изъ одного племени, какъ вѣтви отъ одного дерева.

Но больше всего Славянъ осталось жить на прежнихъ мѣстахъ: по Днѣпру, по Окѣ и до самаго Новгорода, по всему простору земли русской. Жили они тамъ въ-разбросъ по лѣсамъ; прозывались, какъ и на западѣ, разно. Теперь они все слились во-едино и называютъ себя русскими. Долгое тянулось время, пока стало Русское государство. А на западѣ Славяне до сихъ поръ не могутъ соединиться.

Заняли западные Славяне бывшую римскую землю и начали ею владѣть сообща, міромъ. Таковъ былъ ихъ природный обычай. Ни у какихъ другихъ народовъ этого не водилось. Въ греческомъ государствѣ и въ римскомъ землю держали богатые люди, а бѣдные жили въ работникахъ, не то изъ-полу брали. Про міръ же и не слыхиваль никто. Стали Славяне пахать и сѣять, и хорошо разжились на новыхъ мѣстахъ. Прежде Славянъ, греческіе цари давали также Нѣмцамъ землю, еще и дома имъ строили, да только тѣ долго не могли успокоиться; поживуть нѣсколько лѣтъ и надоѣсть имъ работать, опять они идутъ въ походъ грабить и разорять.

А Славяне сразу осѣлись, и тише стало на Дунаѣ. Начали снова Греки приходять въ города и заводить торговлю; Славяне больше жили по деревнямъ. Лучше всѣхъ городовъ земли славянской былъ городъ Солунь. Сколько разъ его разоряли варвары, а онъ опять поднимался и все богатѣлъ: сберегалъ свой городъ св. Димитрій солунскій.

Какъ стали Греки жить въ сосѣдствѣ со Славянами, то начала отъ нихъ переходить къ Славянамъ и христіанская вѣра. Славяне легко ее понимали, потому что всегда были добрые, и заповѣдь Христова о томъ, чтобъ любить ближнихъ и прощать обиды, пришлась имъ по нраву. И скоро бы они всѣ обратились ко Христу, да не было кому ихъ наставить. Греки не очень любили водить съ ними знакомство. «У насъ, у Грековъ, науки всѣ и художества, отъ насъ премудрость всюду идетъ, а Славяне деревенскіе люди, простые»,—такъ они о себѣ думали и держались отъ Славянъ особо. А изъ Славянъ многіе привыкали говорить по гречески и поступали къ царю греческому на службу; но эти Славяне тогда же отставали отъ земли и отъ племени своего: начинали жить въ городахъ между греками и сами становились все одно какъ греки.

Еще въ томъ была Славянамъ помѣха придти къ познанію христіанства, что не разумѣли они въ церквахъ Священнаго Писанія,—оно было по гречески. У Славянъ не только книгъ, но и буквъ своихъ не было. Если имъ нужно бывало что нибудь замѣтить, то они ставили знаки,

зарубки дѣлали. Иные писали славянскую рѣчь греческими или римскими буквами, смотря по тому, кто какую грамоту зналъ; да только не хорошо это выходило, не понятно. И долго многіе Славяне истиннаго Бога не вѣдали: сами себѣ боговъ придумывали, молились грому, и солнцу, и вѣтрамъ,—дѣлали себѣ истукановъ, мѣдныхъ и деревянныхъ, и кланялись имъ.

Наконецъ смиловался Богъ надъ людьми своими: послалъ славянскому племени просвѣтителей, апостоловъ новыхъ.

Лѣтъ за тысячу тому назадъ (въ 9-мъ вѣкѣ по Р. Хр.) жилъ въ городѣ Солунѣ богатый вельможа, по имени Левъ. Было у него нѣсколько сыновей: старшаго звали Меодіемъ, а младшаго—Константинъ (въ монашествѣ Кирилль).

Меодій сначала служилъ въ войскѣ; самъ царь его зналъ и отличалъ, и поставилъ его воеводою въ одну славянскую землю, что была тогда подъ греческой державой. Правилъ Меодій этою землею нѣсколько лѣтъ, и сталъ онъ часто думать: «Вотъ я заслужилъ себѣ у царя и честь, и богатство; а какъ мнѣ у Бога заслужить себѣ спасеніе?» И наскучила ему мірская его жизнь. Оставилъ онъ свое воеводство и ушелъ въ монахи, на гору Олимпъ. Тамъ прожилъ въ кельѣ не мало времени постникомъ и затворникомъ.

Когда Меодій отправился на царскую службу, братъ его Кирилль былъ еще малъ, но уже всё примѣчали, что на этомъ ребенкѣ почиетъ Божія благодать. Семи лѣтъ онъ видѣлъ чудный сонъ, проснулся и разсказалъ отцу съ матерью: «Снилось мнѣ, будто со всего нашего города воевода собралъ дѣвицъ и приказалъ, чтобъ я выбралъ себѣ невѣсту. Я взялъ самую красивую и нарядную и спросилъ, какъ ее зовутъ?—Она сказала: Софійей».

Родители Кирилла поняли, что это было ихъ сыну знаменіе, что дастъ ему Богъ великую премудрость: Софія по гречески значитъ премудрость.

Начали Кирилла учить грамотѣ и разнымъ наукамъ: онъ все понималъ такъ хорошо и скоро, что всё удивлялись. И когда, бывало, кончится время ученья, всё другія дѣти игры заводятъ, а Кириллъ на молитву становится, или книги читаетъ святыя.

Разъ выѣхалъ онъ съ товарищами на соколиную охоту. Только спустили они соколовъ, какъ вдругъ поднялся вихорь, захватилъ Кириллова сокола и занесъ невѣдомо куда. Тогда Кириллъ сказалъ: «видно мнѣ здѣсь не мѣсто», и вернулся съ поля. Съ тѣхъ поръ онъ больше на охоту не ѣздилъ и сталъ еще богомольнѣе.

Въ греческой землѣ умеръ царь Θεοφιλης, и наслѣдовалъ ему сынъ его Михаилъ. Этотъ новый царь остался послѣ отца еще малолѣтень, и были къ нему приставлены три боярина—учить его и воспитывать. Старшій изъ этихъ бояръ зналъ родителей Кирилла и слышалъ, какой у нихъ есть сынъ умный и понятливый. И взялъ этотъ бояринъ Кирилла къ себѣ въ Царьградъ и сталъ его учить вмѣстѣ съ царемъ, чтобъ царь, на него глядя, самъ прилежнѣе учился.

Такъ и выросъ Кириллъ: то у боярина въ домѣ, то въ царскихъ палатахъ, и скоро сталъ многому наученъ,—прозвали его философомъ. Это по нашему значить мудрецомъ. Умѣлъ онъ говорить на многихъ языкахъ и, что въ книгахъ было непонятно, все онъ могъ растолковать.

Всѣ въ Царьградѣ знали его и любили за мудрость, а больше любили его за то, что онъ былъ добрый и ласковый со всеми и всѣхъ при царскомъ дворѣ смиреннѣе. Хотя онъ уже и на возрастѣ былъ, а никакой себѣ не видѣлъ радости въ мірскихъ забавахъ.

Боярину тому, что воспитывалъ его, онъ во всемъ покорялся, а бояринъ ему во всемъ вѣрилъ и поставилъ его старшимъ у себя въ домѣ. Была у этого боярина крестница—сирота, дѣвица богатая и хорошаго рода. И задумалъ онъ женить на ней Кирилла и сталъ его уговаривать. Но Кириллъ не хотѣлъ оставаться въ мірѣ, хотѣлъ Богу послужить. Тогда посветили его въ священники и приставили смотрѣть за книгами у святой Софіи. Немно-

го времени спустя онъ, никому не сказавши, скрылся въ монастырь, что стоялъ далеко за городомъ. Хватились его, стали искать; самъ царь по немъ скучалъ. Черезъ полгода едва нашли Кирилла, вернули его въ Царьградъ: и сталъ онъ учить тамъ всякимъ наукамъ, духовнымъ и свѣтскимъ. И все равно, какъ вокругъ большого города строятся меньшія деревушки, столпились около философа ученики. И радостенъ былъ Кириллъ: каждый часъ благодарилъ Бога за то, что Богъ ему даровалъ мудрость и сладость рѣчи на пользу людямъ.

Вдругъ пришли гонцы отъ невѣрныхъ Сарацинъ. Эти Сарацины еще при старомъ царѣ Теофилѣ подступали къ землѣ греческой, и разорили одинъ большой городъ и перебили много народа.

Съ тѣхъ поръ они стали гордиться передъ христіанами своею силою и прислали грамоту, а въ ней написано было: «Какъ это вы, христіане, говорите, что вѣруете въ Бога Единаго, а почитаете Его какъ будто въ немъ три Бога и называете Святою Троицей? Если вы можете показать, что это истинно, то пришлите намъ искусныхъ и книжныхъ людей, чтобъ могли они поспорить съ нашими мудрецами».

Царь Михаилъ, получивши эту грамоту, позвалъ патриарха и бояръ, и сталъ съ ними совѣтоваться, кого послать. Подумали они и послали Кирилла. И пошелъ онъ къ невѣрнымъ безъ страха, съ усердіемъ: онъ и умереть за Христа не боялся.

Въ ту пору въ городѣ сарацинскомъ жили многіе христіане, да только у невѣрныхъ они были въ большомъ униженіи: Сарацины у нихъ у всѣхъ на воротахъ написали дьявольскія изображенія, чтобъ явно было, какъ они христіанами гнушаются, все равно что нечистыми дьяволами.

Когда Кириллъ пришелъ въ этотъ городъ, невѣрные показали ему, что на христіанскихъ домахъ нарисовано, и спросили его: «Понимаешь ли ты это знаменіе?» А онъ имъ отвѣтилъ: «Понимаю я, что здѣсь живутъ праведные люди, и дьяволы къ нимъ войти не могутъ и остаются

спнаружи; а гдѣ ихъ не видно тамъ, стало быть, они въ домѣ живутъ вмѣстѣ съ хозяевами».

Въ тотъ же день позванъ былъ Кириллъ къ столу князя этого города. За столомъ сталъ его спрашивать одинъ сарацинскій мудрецъ:

«Отчего это у васъ, у христіанъ, столько разныхъ толковъ и ересей: у васъ всякій по своему свою вѣру понимаетъ и живутъ всѣ разнo, міряне по своему и чернецы по своему? Мы вотъ, по нашему магометанскому закону, и вѣры одной держимся крѣпко, и живемъ по нашей вѣрѣ всѣ одинаково». «Оттого это, сказалъ Кириллъ, что Богъ нашъ, какъ морская глубина, великъ и непостижимъ: человѣку объ Немъ и думать не подь силу. Многіе хотятъ узнать Бога, да не многимъ дается на это премудрость. Есть люди такіе, что умомъ крѣпки, и сердцемъ смиренны, и отъ самаго Бога добрыми дѣлами заслужили помощь: тѣ и могутъ правильно понимать нашу вѣру. А есть и другіе, что возгордились сами о себѣ; отъ нихъ за это благодать Божія отходитъ, и попадаютъ они въ разныя ереси;—все равно, что гнилой корабль: выѣдетъ въ море и тонетъ. Если иной разъ и не совсѣмъ пропадетъ такой человѣкъ, то все же у него душа не въ покоѣ, и не могутъ эти люди ни вѣры въ себѣ настоящей найти, ни истины Христовой познать. А что жизнь у насъ разная, такъ это оттого, что когда Христосъ сошелъ на землю, то не отнялъ у людей прежняго ихъ закона, написаннаго въ десяти заповѣдяхъ, чтобъ худыхъ дѣлъ не дѣлать, не убивать, не красть. Тѣмъ же, кто къ Богу имѣетъ великую любовь и великое усердіе, далъ Спаситель новую Свою заповѣдь, евангельскую, совершеннаго житія. Трудная эта заповѣдь: не всякому ее можно исполнить и никого къ ней Богъ не принуждаетъ. Говоритъ Христосъ въ Евангеліи: *Мойй емьстити, да емьститъ* (Мѡ. 19, 12).

«Поставилъ Богъ человѣка въ мірѣ между Ангелами и скотами: до Ангеловъ его не допускаетъ гнѣвъ, и злоба, и всякое тѣлесное желаніе, а отъ скотовъ его раздѣляетъ разумъ и душа безсмертная. И далъ Богъ человѣку выбирать себѣ жизнь, какую самъ хочетъ: или, давши волю

своему тѣлу, съ тварью безсловесною сравняться, или чистую и праведною жизнію до Ангеловъ небесныхъ подняться.

«Путь житія святаго, ангельскаго, немногіе выбираютъ,—тѣ, что желаютъ себѣ высокою награды въ царствіи небесномъ и, взявши крестъ свой, грядутъ во слѣдъ Самому Господу. Это у насъ чернецы: живутъ они въ монастыряхъ и въ пустыняхъ, ничего мірскаго въ мысляхъ не держатъ и всякій трудъ на себя принимаютъ во славу имени Господня. А прочіе христіане идутъ во спасеніе путемъ попросторнѣе: вѣруютъ во Христа и жизнь свою по вѣрѣ своей стараются вести, а живутъ въ городахъ и въ селеніяхъ, каждый при своемъ дѣлѣ, при своей работѣ. Это у насъ міряне.

«Ваша же вѣра магометанская все равно какъ мелкій ручей, что и всякій можетъ въ бродѣ перейти; и законъ вашъ не Божественное что-нибудь, а просто обычай челоувѣческій; и соблюдаете вы его все потому, что его легко соблюсти».

Кончили рѣчь свою Кириллъ и заговорили Сарацины:

«Разскажи намъ, чтобъ мы поняли, какъ вы своему Единому Богу молитесь въ трехъ лицахъ: Отцу, Сыну, и Святому Духу?»

Тогда Кириллъ показавъ имъ рукою на солнце и сказалъ:

«Видите вы,—стоитъ на небѣ кругъ блестящій и отъ него и свѣтъ, и тепло?—По образу и по подобію Святой Троицы создалъ Богъ солнце.

«Богъ отецъ, какъ солнечный кругъ, Единный, безъ начала и безъ конца. Отъ Него рождается Сынъ Божій, какъ отъ солнца свѣтъ и свѣтитъ всему міру. И какъ отъ солнца вмѣстѣ съ лучами свѣтлыми и тепло идетъ, такъ отъ Бога Отца исходитъ Духъ Святой.

«Всякій различитъ порознь и кругъ солнечный, и свѣтъ, и тепло; а солнце все одно на небѣ. Такъ и Троица Пресвятая: три въ ней лица—Отецъ, Сынъ и Духъ святой; а Богъ все Единный и Нераздѣльный».

Не нашли Сарацины что отвѣтить мудрецу христіанскому и опять спросили его: «Какъ же вы, христіане, хо-

дите на войну и убиваете людей? у васъ въ законѣ написано: «не убей», и въ Евангеліи показано—всѣхъ любить, а врагамъ прощать обиды и дѣлать добро». Кириллъ имъ на это сказалъ:

«Кто, по вашему, вѣрнѣе служить Богу: кто исполняетъ одну заповѣдь, или кто двѣ заразъ?»

Они ему отвѣтили: «тотъ вѣрнѣе служить Богу, кто соблюдаетъ обѣ заповѣди». И сталъ имъ говорить Кириллъ: «Правильно вы разсудили; теперь разсудите еще. Это истинно, что Христось намъ сказалъ любить ближнихъ; а еще сказалъ Христось, что *болыши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя*. Свою обиду долженъ изъ насъ всякій нести съ терпѣніемъ, а другъ за друга мы должны стоять и крови своей не жалѣть. Мы, когда воюемъ съ вами, не добычи ищемъ, а другихъ и себя обороняемъ. Вѣдь вы если покорите какую нибудь землю, то всѣхъ заставляете принимать вашу вѣру и лишаете небеснаго царствія. Такъ меньше намъ грѣха предать тѣлесной смерти нѣкоторыхъ изъ вашихъ воиновъ, чѣмъ если многіе наши братья по вѣрѣ христіанской черезъ васъ духовною смертию умрутъ».

Видя въ невѣрныя, что имъ не переспорить Кирилла, что правда вся на его сторонѣ. И задумали они его извести: подбавили ему яду въ питье. И сотворилъ Богъ чудо: выпилъ Кириллъ эту чару, что налили ему сарацины, и остался живъ и здоровъ.

И сбылось, какъ Христось обѣщалъ въ Евангеліи всѣмъ, кто во имя Его трудится: *аще и что смерти испіютъ, не вредитъ ихъ* (Марк. 16, 18).

Вернулся Кириллъ отъ сарацинъ и ушелъ въ глухое и тихое мѣсто, не взявъ съ собой ни денегъ, ни пожитковъ; питался только чѣмъ, что ему принесетъ кто нибудь Христа ради, и то поѣсть немного, а что останется, отдасть пищимъ. Такъ и жилъ: о завтрашнемъ днѣ не заботился.

Послѣ захотѣлось Кириллу провѣдать брата своего Меоодія: пошелъ онъ на Олимпъ—гору и остался тамъ съ братомъ; стали вмѣстѣ спасаться.

У Чернаго моря, гдѣ нынѣ придонскія степи, стояло въ то время большое Козарское царство.

Народъ въ немъ былъ въ перемежку: сами козары, жидаы и сарацины, много было и русскихъ людей. Христіанской вѣры тамъ не было, и люди жили въ дикости; ивны и домовъ не строили, а скитались съ мѣста на мѣсто, или прятались отъ ненастья въ хворостяныхъ шалашахъ, да въ землянкахъ маленькихъ, словно въ норкахъ. Князь у нихъ назывался каганомъ.

И отпустилъ каганъ къ царю греческому пословъ за тѣмъ, чтобъ они ему сказали:

«Мы люди простые: знаемъ, что есть Богъ и молимся Ему; а какъ по Божьему жить, не знаемъ, и многое худое дѣлаемъ по невѣдѣнію. Толкуютъ намъ жидаы, что ихъ вѣра самая лучшая, и сарацины тоже о своей вѣрѣ говорятъ. Вы насъ никогда не обижали, и слышали мы, что вы истинно вѣруете. Дайте наставниковъ нашему народу. Пусть они намъ покажутъ ясно вашу вѣру, и если мы увидимъ, что она лучше жидовской и сарацинской, то и будемъ креститься».

И когда пришли эти люди изъ-за моря и рассказали про нужду свою, то вспомнили въ Царьградѣ опять про Кирилла, розыскали его и велѣли ему идти къ козарамъ. Онъ сталъ просить Меодія: Братъ! пойдемъ со мной; я книжный человекъ, а ты, какъ былъ на воеводствѣ, видѣлъ всякаго народу и лучше моего умѣешь говорить съ простыми людьми». Такъ они согласились и пошли. Легалъ имъ путь по степямъ; а въ степяхъ жили въ то время угры, — теперь ихъ называютъ венгерцами, тоже мадьярами. Были эти угры до того страшны, что и на людей не похожи: вмѣсто одежды носили звѣриныя шкуры шимъхомъ вверхъ. И жили по звѣриному: хлѣба не сѣяли, не работали ничего, только разбойничали. Не было отъ нихъ никому проходу, ни проѣзду.

Вотъ Кириллъ и Меодій шли и сдѣлали привалъ въ самый полдень; Кириллъ началъ молиться Богу. Вдругъ, словно вихоръ налетѣлъ, набѣжали со степи угры; воютъ какъ волки, — говорятъ ли по своему, или пѣсню поютъ, —

подступаютъ къ Кириллу съ оружіемъ, убить его грозятся. А Кириллъ не утрашился, даже головы къ нимъ не повернулъ,—все стоялъ и читалъ: «Господи помилуй».

И умирились угры: остановились всѣ кругомъ Кирилла и слушали. Когда же онъ кончилъ молиться, стали кланяться ему до земли. И пропустили его и брата его Меѳодія безъ всякой обиды; еще и дорогу показали.

Скоро пришли Кириллъ и Меѳодій въ Крымъ, остановились въ греческомъ городѣ Херсонѣ, что стоялъ на морскомъ берегу, не далеко отъ Севастополя.

Въ морѣ, близъ того города, были скрыты мощи святаго Климента, папы римскаго; и въ прежніе годы, какъ только бывало настанетъ этому святому праздникъ, море разступалось и уходило отъ берега, и открывалась на двѣ церкви каменная, ангелами построенная, а въ церкви лежали мощи. Весь народъ ходилъ къ нимъ на поклоненіе и многія отъ нимъ бывали исцѣленія и чудеса. До семи дней стояло море, а какъ исполнится седьмой день, опять все бывало залеть водою и опять ничего нѣтъ.

Только лѣтъ за пятьдесятъ до того, какъ придти Кириллу и Меѳодію, за грѣхи города Херсона, мощи перестали являться, и всѣмъ христіанамъ была отъ этого великая печаль. Когда Кириллъ и Меѳодій пришли и про это услышали, то стали говорить тамошнему епископу Георгію, что надо чудотворныя мощи изъ моря вынуть. Епископъ ихъ послушалъ: сходилъ въ Царьградъ, взялъ патриаршее благословеніе. Стали они соборно служить молебень на берегу моря.

Молились цѣлый день, а вода все не разступалась. И когда свечерѣло, то епископъ, и Кириллъ съ Меѳодіемъ, и другіе священники сѣли на корабль и пустили его по вѣтру. Отѣхали уже далеко и — вдругъ видятъ — надъ моремъ свѣтъ поднимается, словно звѣзда изъ пучины выкатывается. Подплыли къ тому мѣсту, и показались передъ ними поверхъ воды мощи святаго Климента. Всѣ на кораблѣ обрадовались, приняли мощи и съ пѣніемъ, съ ликованіемъ, привезли въ городъ.

Скоро послѣ того Кирилль и Меѳодій опять снарядились въ дорогу. И дали имъ херсонскіе люди часть отъ честныхъ Климентовыхъ мощей, и съ тѣхъ поръ Кирилль и Меѳодій, гдѣ бы ни ходили—утверждали вѣру христіанскую, повсюду носили эту частицу съ собой. Изъ Херсона поѣхали они на кораблѣ къ козарамъ.

Приняли ихъ тамъ хорошо. Когда они пришли къ козарскому кагану, у него шелъ пиръ. И спросилъ ихъ каганъ: «Скажите мнѣ, какого вы рода, чтобъ я зналъ, какъ васъ посадить; у насъ здѣсь по роду мѣста даются».

Кирилль сказалъ: «Нашъ дѣдъ былъ первый человекъ на всей землѣ; всѣхъ онъ былъ богаче и вся земная тварь была у него подъ властью. Не сумѣлъ онъ только удержать своей славы, и обнищалъ его родъ. Мы теперь для того и трудимся, чтобъ войти въ прежнюю честь нашего дѣда и другой чести не желаемъ. А дѣдъ нашъ, и вашъ и всѣхъ людей—былъ Адамъ. Всякій родъ отъ него исходитъ». Подивился каганъ мудрому отвѣту, всталъ съ мѣста своего, поклонился низко обоимъ братьямъ, Кириллу и Меѳодію, и посадилъ ихъ противъ себя. И поднималъ чару, промолвилъ: «Слава Богу Единому» Кирилль ему отвѣтилъ: «Слава Богу во Святой Троицѣ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу». На это отозвались жидаы, что были тоже на пиру, и стали спорить. Весѣдовалъ съ ними Кирилль день до вечера: по книгамъ и притчами показывалъ имъ всю ихъ неправду. Сначала шелъ споръ о Святой Троицѣ, послѣ о Матери Божіей.

Случилось тамъ быть нѣсколькимъ изъ сарацинъ: они подняли голосъ противъ Кирилла за одно съ жидами; и Кирилль ихъ такъ же, какъ жидовъ, постыдилъ въ томъ, что ихъ ученіе не Божія правда, а лукавство—чтобъ въ людяхъ разумъ затуманить, отъ правой вѣры отвести. Какъ огненная струя лилася рѣчь Кириллова: всѣ хитрости невѣрныхъ, какъ воскъ, отъ нея таяли.

Навонецъ поднялся каганъ съ козарами своими и сказалъ Кириллу: «Хорошо ты все говоришь, и нѣтъ никакого мудрѣе тебя въ книгахъ. Видно Богъ тебя къ намъ привелъ на устроенье наше. Только мы по книгамъ мало

смыслены: ты намъ просто расскажи, по вашему закону, какъ жить, чтобъ души свои спасти».

И на утро опять собрались козары и спрашиваютъ Кирилла: «отчего христіанская вѣра всѣхъ лучше?»

Кириллъ имъ на это сталъ говорить: «Золото чистое узнають люди огнемъ, а правду истинную умомъ. Какъ вы думаете, еслибъ человѣку озябшему кто нибудь сказалъ: напейся холодной воды и постой на морозѣ и согрѣешься; а другой бы сказалъ—пойди грѣться въ теплое мѣсто, къ огню? Чья бы правда была?»

И отвѣтили козары всѣ словно въ одинъ голосъ: «была бы правда того, кто отъ холоду тепло присовѣтовалъ». Дальше повелъ свою рѣчь Кириллъ: «Первый грѣхъ отъ чего случился?—отъ сладкаго плода и отъ гордости. Стало быть, чтобъ исцѣлиться отъ него, нужно воздержаніе плоти и смиреніе духа. А это и есть законъ христіанскій. Тяжелъ этотъ законъ въ здѣшней жизни; за то въ будущей тѣмъ, кто его исполняетъ, назначенъ у Бога вѣчный покой. Нашъ законъ, какъ ягодный кустъ, что весною стоитъ въ колючихъ иглахъ, а осенью даетъ хорошія ягоды».

Тогда первый совѣтникъ багановъ обернулся въ ту сторону, гдѣ стояли жиды, и сказалъ: «Теперь нашъ гость вашу мудрость и гордость и сарацинскую также разорилъ, въ своей христіанской мудрости какъ въ рѣкѣ потопилъ». А въ козарамъ обернулся и сказалъ: «Истинно, какъ нѣтъ во всемъ мірѣ царя сильнѣе христіанскаго—царя православнаго, такъ и вѣра христіанская всѣхъ другихъ вѣръ выше предъ Богомъ; она только одна и можетъ привести къ небесное царство». И загудѣло по всей толпѣ: «аминь».

Вышелъ Кириллъ на середину козарскаго круга и воскликнулъ громкимъ голосомъ: Братья! кто изъ васъ чего нибудь не понималъ, или въ чемъ сомнѣвается, пусть придетъ ко мнѣ, спрашиваетъ и спорить со мною; для того я и пришелъ, чтобъ служить вамъ словомъ своимъ. Если же кто не хочетъ вѣровать во Христа и креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа, то не моя въ томъ воля, не моя и вина, и не мнѣ отвѣчать передъ Богомъ

въ послѣдній день, когда придетъ опять Господь на землю судить всѣхъ людей, однихъ въ жизнь, а другихъ въ муку вѣчную».

И заговорили кругомъ козары: «мы себѣ не враги» — и начали просить крещенія. И приказалъ каганъ, чтобъ никто въ его царствѣ не могъ изъ христіанской вѣры переходить въ жидовскую или магометанскую, ни въ прежнюю козарскую вѣру.

Больше году оставались Кирилль и Меодій въ козарской землѣ: все крестили и учили народъ. И когда стали собираться на свою сторону, то каганъ позвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ имъ: «Просите у меня, чего вы хотите; я для васъ ничего не пожалѣю». Они ему дали такой отвѣтъ: «Мы ничего твоего не хотимъ, а дай ты намъ всѣхъ, кто у тебя есть изъ нашей земли въ плѣну». Каганъ тогда велѣлъ по всему своему царству искать и собирать плѣнниковъ земли греческой, а самъ написалъ греческому царю:

«Благодарствуемъ вамъ, что вы къ намъ прислали такихъ умныхъ и святыхъ людей. Прежде мы оцупью ходили, какъ слѣпые, а теперь видимъ свѣтъ, потому что поняли настоящую вѣру». Эту грамоту онъ отдалъ Кириллу и Меодію, когда прощался съ ними, и плѣнниковъ всѣхъ сколько было, счетомъ двадцать человекъ, тоже съ ними отпустилъ. Много народу земли Козарской вышло провожать святыхъ проповѣдниковъ. Полюбили ихъ всѣ, и привыкли къ нимъ, и горевали, что не увидать ихъ больше никогда.

Степью пустою шли Кирилль и Меодій и плѣнники съ ними. И сбились они съ дороги; воды у нихъ не хватило, а время было лѣтнее, жаркое, колодцевъ же на встрѣчу не попадалось. Истомились странники и затосковали, стали конца себѣ ожидать. Вдругъ увидали они: блеститъ на равнинѣ озеро. Всѣ къ нему кинулись, но вода въ озерѣ была соленая и нельзя было ее пить. Больше прежняго приуныли странники; разбрелись по степи воды искать.

Кирилль съ Меодіемъ одни остались на берегу; Кирилль такъ ослабъ, что не могъ встать съ мѣста. И ска-

сказалъ онъ Меѳодію: «Братъ, зачерпни мнѣ воды; когда евреи шли съ Моисеемъ по песчаной степи, для нихъ по Божьему велѣнію горькая вода становилась сладкой; я вѣрю, что и намъ Богъ поможетъ». Меѳодій зачерпнулъ и подаль брату, и когда Кириллъ началъ пить, то вся вода въ озерѣ вдругъ стала хорошая. Стали святые братья всю толпу собирать, и всѣ пили воду и славили Бога, что помиловалъ ихъ отъ напрасной смерти. И пошли дальше.

Когда пришли Кириллъ и Меѳодій въ Царьградъ, тамъ ихъ хотѣли сдѣлать епископами; они же по смиренію отреклись отъ этой чести. Тогда Меѳодій былъ поставленъ во игумена большаго и славнаго Полихроніева монастыря, а Кириллъ остался жить въ Царьградѣ при церкви св. апостоловъ.

Послѣ славянь приходили на Дунай съ востока опять новые люди, по имени болгаре. Пришли они ордою, разорили городовъ нѣсколько и остались жить на Дунаѣ, стали брать дань съ семи славянскихъ волостей.

Былъ у болгаръ свой князь, и обычаи свои были особенные, говорили они также по своему. Такъ и жили: то всевали съ греками и другими народами; то мирились.

Земля, гдѣ они размѣстились, стала называться болгаріей. На этой землѣ было больше славянь, чѣмъ болгаръ; болгаре были всѣ воины, только оно ремесло знали—хорошо ковали оружіе. А славяне были ко всякому дѣлу способны: у грековъ научились хитрости и сами были умнѣе, чѣмъ болгаре. Многимъ разнымъ мастерствамъ навывкли болгаре отъ славянь; и такъ какъ часто съ ними водились, то и рѣчь славянскую стали понимать; и что дальше, то больше дружили со славянами. Подъ конецъ уже стали языкъ свой болгарскій забывать и дѣтямъ имена давали славянскія.

Болгаре были силошь невѣрные: они съ первой родины своей принесли съ собою идоловъ; еще и огню поклонялись болгаре и звѣрямъ разнымъ приносили жертвы, даже нечистымъ псамъ.

По многихъ лѣтахъ довелось владѣть Болгаріей та-

кому князю, что любилъ воевать и на войнѣ всегда побѣждалъ. Имя этому князю было Крумъ.

Онъ позвалъ изъ-за Дуная оброровъ, собралъ подвластныхъ себѣ славянъ и всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ болгарскимъ своимъ войскомъ повелъ на Царьградъ. Сколько ни сражались греки противъ Крума, не одолѣли его ни разу. Онъ бралъ ихъ крѣпкіе города и уводилъ въ неволю несчетныя толпы людей, все больше славянъ; а изъ нихъ уже многіе были христіанской вѣры.

Послѣ смерти Крума вся удача болгаръ кончилась: стали греки ихъ побѣждать.

Была большая рать, и попалась грекамъ въ плѣнъ маленькая болгарская княжна, князя Крума внучка. Греческій царь взялъ ее въ Царьградъ, приказалъ окрестить и воспитывать по-христіански.

А и въ Болгарію уже стало проникать христіанскаго Бога почитаніе. Плѣнники, что были туда отведены при Крумѣ, на чужбинѣ, въ тяжкой работѣ, не забывали Христа, молились Ему: и все равно какъ свѣча отъ свѣчи зажигается, такъ отъ этихъ людей научились болгаре правой вѣрѣ. Довѣдался про то болгарскій князь и повелѣлъ христіанъ всѣхъ избивать. Страшное началось гоненіе.

Царь греческій рслыхалъ и пожалѣлъ своихъ подданныхъ: послалъ денегъ болгарамъ, чтобъ они возвратили плѣнныхъ. И множество народу переправилось на другой берегъ Дуная, опять въ землю греческую. Вернулся вмѣстѣ съ другими одинъ юноша — славянинъ: звали его Василиемъ, а прозванье ему было Македонянинъ, потому что онъ былъ изъ македонской земли родомъ. Долгое время спустя его принялъ въ себѣ на службу царь Михаилъ. И былъ Василий у него первымъ бояриномъ, а когда Михаилъ умеръ, то Василий сталъ царемъ.

Однако же не всѣхъ сразу отпустили болгаре. Былъ ими плѣненъ греческій монахъ, Теодоръ Куфара. На родинѣ этотъ инокъ славился благочестіемъ и книжною ученостыю. Всѣ объ немъ тамъ сожалѣли, но не судилъ еще Богъ ему вернуться.

Вскорѣ началъ бняжить надъ болгарами Крума внучъ

Борисъ. Онъ тоже любилъ войну, желалъ, чтобъ его царство было сильно и грозно сосѣдямъ. А въ мирное время онъ заботился о народѣ: справедливый былъ князь.

Задумалъ Борисъ на грековъ идти; въ ту пору греческимъ царствомъ управляла благочестивая царица Теодора, мать царя Михаила. Она послала сказать болгарскому князю: «Не велика честь воевать съ женщиной; если ты меня и побѣдишь, то не будетъ тебѣ славы, а мнѣ стыда». И пропала у Бориса охота ополчаться на царицу: заключилъ онъ съ нею миръ.

Тогда царица снова послала къ Борису просить его, чтобъ онъ отпустилъ ей Теодора Руфару, взявъ бы за него какой хочетъ выкупъ. Говорили, будто ей во снѣ бывали нѣсколько разъ видѣнія, чтобъ она этого монаха розыскала и освободила. Между тѣмъ Теодоръ жилъ у князя болгарскаго въ его дворцѣ. Князь уважалъ его за мудрость и допускалъ къ своей бесѣдѣ. И отъ этихъ бесѣдъ сдѣлалась перемѣна съ Борисомъ.

Прежде онъ только то и зналъ о христіанской вѣрѣ, что говорили объ ней язычники; когда же Теодоръ ему рязказалъ по истинѣ, что есть Христово ученіе, то смягчилось сердце князя болгарскаго, укротился его нравъ, сталъ онъ почасту призывать къ себѣ Теодора и по долгу его слушалъ. И когда царица за Теодоромъ прислала, то Борису жаль было съ нимъ разстаться. Отписалъ Борисъ въ Царьградъ: «Я вамъ Теодора неотдамъ ни за какую цѣну, а если вы хотите, то возвратите мнѣ вмѣсто него мою сестру, что живетъ у васъ». Царица такъ и сдѣлала: съ богатымъ поѣздомъ отправила княжну болгарскую къ Борису; и онъ одинаково исполнилъ свое обѣщаніе, далъ волю Теодору.

Приѣхала княжна болгарская на родину; братъ встрѣтилъ ее ласково, всѣмъ приказалъ ее почитать, и самъ для нея старался, чтобъ ей было хорошо; только она все скучала. Прожила она въ Царьградѣ тридцать восемь лѣтъ: благочестивая царица Теодора ее при себѣ держала какъ родную; и навывла княжна болгарская христіанскому благочестію; грамоту греческую тоже знала, книги читала; тихая была, кроткая, точно монахиня. И вдругъ попала въ

такую дикую сторону: церквей нѣтъ, службы Божіей слышать не приходится, и Таинъ святыхъ причаститься нельзя; вездѣ въ городѣ разставлены идолы, объ истинномъ Богѣ и поговорить не съ кѣмъ; кто вѣруеть, скрывается отъ всѣхъ, не то невѣрные узнають и убьютъ. Хуже всего было то для княжны, что братъ ея, князь Борисъ, также былъ невѣрный. Хотя она и видѣла, что живетъ по правдѣ и къ народу милостивъ, а все ей думалось, что не спасется онъ, потому что некрещенный. Стала она одинокая молить Бога, чтобъ ниспослалъ Онъ просвѣтлѣніе въ разумъ князю и всѣмъ людямъ болгарскимъ. Часто Борисъ, когда приходилъ къ сестрѣ, заставлялъ ее на молитвѣ, и тогда она ему начала говорить о томъ же, о чемъ ему прежде толковалъ инокъ Феодоръ, о христіанскомъ Богѣ — Спасителѣ.

Правились князю эти рѣчи, видѣлъ онъ своей сестры смиреніе и кротость и думалъ иногда: «хорошъ обычай христіанскій!» Разъ промолвила княжна, «Пора тебѣ, братъ, окреститься и народъ привести ко Христу». Князь на нее за это прогнѣвался, — говоритъ ей: «Я не оставлю вѣры отеческой; мы съ этою вѣрою завоевали себѣ здѣшнюю землю и сдѣлались сильны; если мы измѣнимъ нашимъ богамъ, то и они отъ насъ отступятъ, и мы потеряемъ всю нашу силу». Княжна ничего не сказала больше.

Мало времени скороталось, и дошла къ Борису вѣсть, что иноземный князь идетъ на него войною. Не успѣлъ Борисъ войска собрать, какъ уже враги напали: города и села пожгли, сады порубили, хлѣбъ на корню притоптали конями. Насталъ голодъ въ землѣ болгарской, и отъ голоду пошелъ моръ на людей. Столько умирало народу, что болгаре думати — всѣмъ придется погибнуть; и страхъ былъ на всѣхъ. Кланялись болгаре своимъ идоламъ, жертву за жертвой приносили, а моръ не прекращался.

И снова сказала Борису сестра: «Гдѣ же ваши боги? это нашъ христіанскій Богъ посылаетъ тебѣ знаменіе; неужели ты еще не вѣруешь?» И не разгнѣвался за эти слова князь, но раздумалъ самъ съ собою: «можетъ быть и правду сестра говорить».

Когда же наступило время ему идти съ народомъ на идольское сборище; то стало у него на сердцѣ тяжело, какъ будто онъ чего нибудь стыдился. И не могъ онъ какъ прежде молиться истуканамъ, не вѣрилъ въ нихъ больше. А передаться христіанскому Богу не доставало у князя смѣлости. И оставался онъ при сомнѣніи, какъ странникъ между двухъ дорогъ, и сокрушался о томъ, что будетъ съ нимъ и съ его государствомъ. Скоро послѣ того греческій царь Михаилъ отправилъ нѣсколько полковъ воевать болгарскую землю. Князь болгарскій не вышелъ съ войскомъ на встрѣчу, а послалъ сказать царю, что не будетъ съ христіанскимъ народомъ сражаться, потому что самъ сталъ вѣровать во Христа и желаетъ принять крещеніе. Тогда изъ Царьграда пріѣхалъ епископъ со священниками; они окрестили князя и всю его семью, а послѣ еще многихъ болгаръ и славянъ. Царь греческій былъ у Бориса крестнымъ отцемъ. Оттого Борису дали имя Михаилъ.

Славяне моравскіе и чехи платили дань обрѣмъ. Обры ихъ притѣсняли: сами обры ничего не работали, все брали у славянъ, иногда и послѣднее отнимали, да еще позоръ славянамъ творили, женщинъ славянскихъ въ телѣги запрягали вмѣсто лошадей. Все такъ было, пока не явился къ этимъ славянамъ человекъ по имени Сѣмо: онъ раньше былъ княземъ у другихъ славянъ. Нѣмцы отняли у него княжество, и онъ пріѣхалъ въ Чехію. Сперва Сѣмо назвался купцомъ, набралъ разнаго товару и сталъ ѣздить по селеніямъ, вездѣ разговаривалъ съ народомъ: «Довольно славяне мучились, пора отдохнуть, пожить на волѣ; мы оттого терпимъ, что всѣ другъ отъ друга врозь тянемъ, а если соединимся, то никакой врагъ противъ насъ не устоитъ». И когда увидѣлъ Сѣмо, что къ нему люди по-привыкали, то сказалъ, кто онъ есть, и тогда мораване и чехи выбрали его себѣ въ князя. Онъ повелъ ихъ на обровъ и побѣдилъ обровъ: загналъ всѣхъ въ Паннонію, а Моравія и Чехія освободились.

Прошелъ объ этомъ слухъ, и другія нѣкоторыя славянскія колѣна тоже подчинились Сѣмо. Разрослась широко его держава.

Кругомъ славянъ жили нѣмцы: они испугались, что славяне становятся крѣпки. Король нѣмецкій всѣхъ своихъ подданныхъ поголовно, старыхъ и молодыхъ, призвалъ къ оружію; собралъ три войска, и вошли эти войска съ трехъ сторонъ въ славянскую землю. Сѣмо ихъ всѣхъ разгромилъ; мало нѣмцевъ вернулись къ своимъ семьямъ. Послѣ того Сѣмо княжилъ тридцать пять лѣтъ. Все время, что онъ жилъ, нѣмцы не могли покорить славянъ. Умеръ Сѣмо и державу его раздѣлили сыновья: у нихъ пошли раздоры, завелась въ государствѣ безурядица. Нѣмцы этой поры не пропустили, стали нападать на славянское племя. Большія были войны. Сосѣднія нѣмцамъ окраины земли славянской обезлюдѣли совсѣмъ. Встрѣчались тамъ разрушенныя строения, обломки всюду какіе-то, а народуникого небыло. Звѣри дикіе бродили стадами, и страшно было ѣздить по дорогамъ. Кончилось тѣмъ, что нѣмцы одолѣли славянъ, заставили ихъ приносить подать въ ближній нѣмецкій городъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Сѣмо сокрушилъ силы обровъ, они уже не поправились, но иногда выходили изъ Панноніи и дѣлали набѣги на нѣмецкую землю. Однажды императоръ германскій Карлъ Великій противъ нихъ собрался, и тогда насталъ обрамъ конецъ. Перебили ихъ нѣмцы, а Паннонію такъ разорили, что нельзя было опознать мѣста, гдѣ стоялъ главный городъ обровъ и дворецъ ихъ князя. Все, что было въ Панноніи цѣннаго, нѣмцы вывезли съ собой и покинули землю пустую. Въ нее стали приходиться славяне изъ Моравіи, и снова сдѣлалось въ Панноніи людно: завидѣлись деревни, повеселѣли мѣста.

Тогда нѣмцы стали говорить: «Эта земля наша, мы ее оружіемъ добыли; пусть не забываютъ славяне, что на чужой землѣ живутъ». Принялись Нѣмцы строить города въ Панноніи и монастыри съ высокими каменными оградами; въ городахъ ставили войско. На каждый монастырь императоръ германскій отдѣлилъ довольно земли, остальную землю аздарилъ своимъ нѣмецкимъ князьямъ: на все это при-

слали грамоты, а по грамотамъ вышло, что славяне паннонскіе вмѣстѣ съ землею были отданы во владѣніе князей и монастырей; должны были по-неволѣ работать и платить оброкъ.

Надъ Нѣмцами былъ церковнымъ владыкой римскій папа. Отъ него у нихъ были священники: сначала все изъ Рима пріѣзжали; послѣ папа далъ нѣмцамъ епископовъ, и они посвящали священниковъ изъ нѣмцевъ. Но и эти священники читали Слово Божіе и служили обѣдно по латыни, это значитъ по римски. Такъ уже изстари было положено во всей области римскаго патріарха.

Когда нѣмцы покорили себѣ славянъ моравскихъ, а паннонскихъ славянъ сдѣлали своими рабами; то начали съ тѣхъ и съ другихъ, кромѣ подати, брать еще на церковь.

На Моравѣ прежде были проповѣдники изъ Царьграда и съ запада и крестили, но мало считалось христіанъ. Все равно, какъ утренняя заря на небѣ тонкою полоской начинается,—едва засвѣтилась христіанская вѣра въ задунайскихъ сторонахъ. И вдрухъ сразу пріѣхали нѣмецкіе священники, стали всѣхъ подрядъ крестить и переписывать по приходамъ, чтобъ деньги собирать. Молились Богу эти священники по латыни, а съ народомъ говорили по нѣмецки: и никому не удавалось отъ нихъ чегонибудь взять въ толкъ. Были ихъ рѣчи, какъ вѣтра гулъ или воды плесканье, только шумъ напрасный. Не знали иные славяне во что ихъ крестятъ, многихъ крестили насильно: и было это крещеніе не спасеніе людямъ, а поруганіе имени Христова. Спорили другъ съ другомъ изъ-за приходоу нѣмецкіе священники, всякій себѣ хотѣлъ больше народу оттягать.

Въ Моравіи оставались свои князья. Они между собою не ладили, непрестанно разбирали ссоры у нѣмецкаго короля и тѣмъ еще больше власти его поддавались. Былъ одинъ князь Мойміръ. Онъ любилъ свой народъ и все славянство. Горько ему было видѣть, какъ нѣмцы всюду возвышаются, а славяне сами себя губятъ. Борются же съ нѣмцами; одинъ онъ не могъ, а другіе не хотѣли. Но Мой-

міръ былъ мудрый: онъ началъ моравскую землю собирать, мелкихъ князей удѣлы прилагать къ своей земли; тѣхъ князей, что не хотѣли предъ нимъ склониться, онъ сгонялъ долой съ княженій. Народъ всегда стоялъ за Мойміра: знали его, что онъ князь хорошій, добра ищетъ для родины. Нѣмцамъ показывалъ Мойміръ, будто крѣпко съ ними дружить: пріянялъ крещеніе по ихъ латинскому обряду, все для того, чтобъ они его землю оставляли въ покоѣ, чтобъ ему не разоряться до времени.

Близко Моймірова удѣла было другое, тоже большое, княжество Нитранское. Такъ его называли потому, что въ немъ былъ главный городъ Нитра. Въ Нитрѣ княжилъ Прибина. Мойміръ и его прогналъ. Прибина ушелъ къ нѣмцамъ и жилъ у нихъ нѣсколько лѣтъ. Нѣмецкій король его полюбилъ и послалъ намѣстникомъ въ Паннонію управлять тамъ славянами. Прибина послѣ этого угождалъ нѣмцамъ, и они вѣрили ему, думали, что онъ вѣкъ имъ не измѣнитъ; подарили ему Паннонію. Сталъ надъ паннонскими славянами свой князь, и облегчилось ихъ житье. Было въ Панноніи озеро большое, широкое какъ болото, и называлось оно Блатенское озеро: на немъ Прибина поставилъ себѣ городъ, далъ ему названіе Блатно.

Замѣтили нѣмцы, какъ растетъ княжество Мойміра, и догадались, что онъ хотя съ ними не воюетъ, а — первый имъ врагъ. Окружили они его столицу Велеградъ, и отобрали престолъ у князя Мойміра: сдѣлали княземъ другаго, по имени Ростислава. А Ростиславъ былъ такъ же, какъ Мойміръ, преданъ родной землѣ. Когда онъ пріянялъ княжество, то увидѣлъ, что Мойміръ накопилъ много силы и казны, что скоро можно будетъ потягаться съ сосѣдами. Но первые годы Ростиславъ нѣмцамъ не противился: каждое лѣто отправлялъ имъ посольство съ дарами. Между тѣмъ готовилъ свою землю къ защитѣ отъ непріятелей: выстроилъ городъ Дѣвинъ, всѣмъ на удивленіе, крѣпкій и прекрасный, еще и другіе города. И когда укрѣпился Ростиславъ, то объявилъ нѣмцамъ войну: король нѣмецкій привелъ войско въ Моравію, но не смогъ взять ни одного города и повернулъ назадъ со стыдомъ; Ростис-

славъ за нимъ погнался и почти всѣхъ воиновъ его истребилъ. Прославился князь моравскій далеко по разнымъ землямъ. Нѣмцы вачали его бояться; а для славянъ онъ былъ, что роднойотець, надежда и оборона.

Задумывалъ Ростиславъ большой походъ противъ нѣмецкаго короля; только все смущался князь, что нѣтъ у его народа пастырей добрыхъ, что нѣмцы—враги дають славянамъ Святыя Тѣнства. Самъ Ростиславъ уже крестился и былъ прилеженъ къ вѣрѣ. Размышлялъ онъ: «Пока у насъ такъ дѣло идетъ, не будетъ ни вѣры истинной, ни свободы настоящей; надо, чтобъ священники были свои, если же не свои, то не изъ вражьей земли». Сталъ Ростиславъ съ другими славянскими князьями совѣтоваться, откуда призвать священниковъ: изъ Рима, или изъ Царьграда. И судили они: «Римскій папа съ нѣмцами близокъ; нѣмецкіе священники его же поставленія, онъ ихъ и дастъ въ Моравію, а въ Царьградѣ нѣтъ пристрастія, да и славянъ тамъ больше знаютъ,—кругомъ Царьграда есть славянскія селенія. Можетъ быть найдутся у грековъ священники такіе, что умѣютъ говорить по славянски». И простыхъ людей моравскихъ опросилъ о томъ же князь Ростиславъ, когда сходилъ народъ на вѣче, чтобъ міромъ дѣла вершить. Всѣ одно говорили: «нѣтъ намъ блага отъ нѣмцевъ и отъ ихъ друзей». Послалъ Ростиславъ въ Царьградъ.

Пришли послы моравскіе къ царю греческому, принесли поклонъ отъ своего князя и сказали:

«Народъ нашъ отъ язычества отрекся, держитъ вѣру христіанскую, да только нѣтъ у насъ учителя такого, чтобъ намъ эту вѣру на нашемъ языкѣ разъяснилъ. Пришлите намъ наставника: отъ васъ во всѣ страны добрый законъ исходитъ».

Царь Михайлъ выслушалъ просьбу моравскаго народа. Истомъ велѣлъ позвать Кирилла философа и сталъ ему говорить: «Я знаю, что отъ усердія твоего ко всѣмъ Божественнымъ дѣламъ ты сдѣлался нынѣ слабъ и боленъ, а все же придется тебѣ пойти въ Моравію, потому что этого дѣла никто кромѣ тебя не можетъ хорошо испол-

нить. Ты и брата своего Меѳодія возьми съ собой: онъ тебѣ поможетъ. Вы оба изъ Солуня, а солуняне всѣ чисто говорятъ по славянски». Кирилль отвѣтилъ царю: «Хотя и боленъ, съ радостью иду; вы только скажите мнѣ напередъ, есть ли у моравскихъ людей своя грамота, чтобъ я могъ имъ книги написать». Царь на это сказалъ: «Я спрашивалъ, — говорятъ, что нѣтъ у славянъ своихъ буквъ».

Кирилль тогда промолвилъ: «Какъ же быть? учить безъ буквъ все равно, что на водѣ писать, все и пройдетъ, какъ вода, не утвердится въ людяхъ ученіе; да еще и поймутъ люди не такъ, и никому не будетъ пользы; а мнѣ худая слава, еретикомъ назовутъ меня».

Царь подумалъ и сказалъ снова: «Если ты захочешь и попросишь у Бога, то Богъ тебѣ откроетъ славянскую грамоту. Велика милость Божія надъ тобой!». Вышелъ философъ изъ царскаго дворца невеселый, не могъ онъ у себя въ умѣ прибрать, гдѣ взять буквы для славянъ. Грусть ему припала къ сердцу и забота, и страхъ на него нашель великій. Пошелъ Кирилль и рассказалъ обо всемъ брату своему Меѳодію и ученикамъ нѣсколькимъ, самымъ близкимъ. Всѣ они вмѣстѣ стали молиться, просить у Бога помощи въ важномъ дѣлѣ. Послѣ Кирилль началъ поститься: постился сорокъ дней. И когда миновалъ срокъ поста, то надумались Кириллу 38 славянскихъ буквъ: стали ясно у него передъ глазами, словно кто ихъ ему показалъ. Какъ писать славянскую рѣчь этими буквами, тоже пришло ему въ разумъ. И вся забота покинула Кирилла: хорошо ему стало, какъ будто свѣтъ у него въ сердцѣ зажегся и все въ глазахъ кругомъ осіялъ. Сотворилъ философъ еще разъ долгую молитву и сѣлъ переводить Евангеліе съ греческаго языка на славянскій, — съ одного разу перевелъ первую главу отъ Іоанна: *Въ началѣ бѣ Слово*. Это Евангеліе читаютъ у насъ на обѣднѣ въ первый день Пасхи.

И понесъ Кирилль рукописаніе свое къ царю и къ патріарху: всѣ похвалили новую грамоту. Патріархъ благословилъ Кирилла работать дальше. Меѳодій тоже понялъ

славянскую грамоту и пособлялъ брату. И скоро были готовы—переписаны по славянски Евангеліе, и Апостоль, и Псалтирь, также церковныя службы, обѣдня съ часами, служба утренняя, и вечерняя, и всѣ требы.

Тогда царь собралъ въ путь Кирилла и Меѳодія и учениковъ ихъ: далъ имъ разной церковной утвари, одежды и денегъ на первое время. Еще далъ имъ нести къ Ростиславу дары и письмо, а въ письмѣ написалъ:

«Богъ нашъ христіанскій сотворилъ у насъ въ Царьградѣ чудо, явилъ буквы въ вашъ языкъ. Пока вы жили во идолопоклонствѣ, у васъ не было своей грамоты, но едва лишь вы увѣровали, Богъ причитаетъ васъ къ великимъ народѣмъ, даетъ вамъ разумніе книжное. Примите отъ насъ то, что дороже золота и цвѣтныхъ камней, книги новыя вашей грамоты. Съ ними я вамъ шлю въ наставники мудреца, того самого, кому открылись буквы. Соблюдай, князь Ростиславъ, вѣру въ мѣстахъ тебѣ подвластныхъ, и наградишь тебя Богъ въ Своемъ небесномъ царствѣ, а на землѣ будетъ имени твоему до вѣка слава, какъ идетъ слава царю Константину, что устроилъ вѣру въ римскомъ государствѣ».

Когда Кириллъ и Меѳодій пришли въ Моравію, Ростиславъ имъ очень былъ радъ, началъ строить церкви. Черезъ годъ уже была кончена первая церковь въ городѣ Оломуцѣ, потомъ еще нѣсколько церквей появилось въ Моравіи. Кириллъ освящалъ эти церкви и служилъ въ нихъ по славянски.

Когда пошли слухи по землѣ моракской, что въ новыхъ церквахъ читаютъ Евангеліе и молитвы такъ, что все понять можно, то мораване бросили латинскія церкви: латинскихъ священниковъ не стали въ дома пускать и сборъ церковный перестали имъ платить. Всѣ начали къ Кириллу ходить: всегда полна была народу та церковь, гдѣ онъ служилъ.

Начали Кириллъ и Меѳодій набирать себѣ учениковъ изъ мораванъ, толковали имъ по книгамъ священное пи-

саніе и показывали церковную службу, чтобъ могли эти ученики послѣ быть священниками. Князья и бояре моравскіе съ радостью отдавали своихъ сыповей въ эту науку. Малыхъ дѣтей тоже брали Кирилль и Меѳодій, учили ихъ новой славянской грамотѣ.

Еще ходили Кирилль и Меѳодій по городамъ и по деревнямъ, вездѣ носили съ собою Евангеліе и читали народу и наставляли всѣхъ, какъ слѣдуетъ жить и въ Бога вѣровать. Послѣ нихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они учили, поставлены были каменные кресты; до сихъ поръ эти кресты можно видѣть; покривились они и обвѣтрились, а все стоять. Въ одной деревнѣ подлѣ дороги былъ большой камень: пришли Кирилль съ Меѳодіемъ въ эту деревню; собралась толпа народу; святые братья встали на камень и оттуда сверху стали читать Слово Божіе. Когда они сошли опять на землю, то остались на камнѣ слѣды ногъ ихъ ясно отпечатаны, все равно какъ бы на мягкомъ пескѣ. Славяне моравскіе долго сберегали этотъ камень, хранили его въ древней церкви подъ алтаремъ. Говорятъ, еще не давно этотъ камень видѣли, а теперь его нѣтъ и никто не знаетъ, куда онъ пропалъ.

Много трудовъ приняли святые братья въ Моравіи, потому что прежде люди моравскіе Бога не знали и жили худо, а латинскіе священники ихъ ничему не учили, только деньги получали: кто больше дастъ, отпускали тому всякій грѣхъ латинскіе священники. Вѣнчали они отъ живыхъ женъ; и если кто богатый убьетъ человѣка, они тоже за это не полагали кары, говорили только: «пусть, кто убилъ, три мѣсяца ѣсть и пьеть изъ деревянной чашки, къ стеклянной посудѣ не прикасается и будетъ отъ грѣха чистъ». А Кирилль и Меѳодій ничего такого не отпускали: гдѣ видѣли грѣхъ, тотчасъ принимались его исправлять. Уговорами пространными, притчами и чтеніями изъ внигъ, словами Самого Христа наказывали они людямъ, чтобъ оставили грѣшнить. И все слушали святыхъ и дѣлали, какъ они говорили, потому что сами Кирилль и Меѳодій жили праведно: для всѣхъ старались, а денегъ ни съ кого не брали, думали только о Божіемъ дѣлѣ, себя

самихъ вовсе не жалѣли, не давали себѣ отдыху, ни поюю.

Заходили Кирилль съ Меѳодіемъ въ такія глухія мѣста, гдѣ никакихъ священниковъ никогда не было. Тамъ люди даже не слышали о христіанской вѣрѣ, идоламъ еще молились. Кирилль и Меѳодій тѣхъ идоловъ сокрушали, царство истиннаго Бога возвѣщали, читали Евангеліе; и такъ какъ оно было по славянски, то всѣ его понимали, и вѣровали, и крестились.

Пошла въ Моравіи хорошая жизнь. Радовался Богъ — глядѣлъ съ небесъ на эту землю. А діаволь мучился злобой, что люди спасаются. Была ему скорбь — Кирилла и Меѳодія святость безпорочная; лютѣ геенскаго огня жгла его ненависть къ нимъ. И началъ онъ домогаться угодниковъ Божіихъ погубить и книги славянскія истребить, чтобъ не осталось въ народѣ Кирилла и Меѳодія памяти и чтобъ заглохло все ихъ ученіе. Все равно какъ рыбакъ по водѣ распускаетъ сѣти, пустилъ врагъ свою прелесть по моравскому государству: разжегъ зависть въ сердцахъ у нѣмецкихъ священниковъ, мысли имъ досадою, какъ ядомъ змѣинымъ, отравилъ. И начали они какъ змѣи шипѣть, другъ съ другомъ сговариваться, какое бы имъ зло учинить Кириллу и Меѳодію, чтобъ ихъ изъ Моравіи избыть и опять все сдѣлать по старому.

Стали нѣмецкіе священники святымъ братьямъ творить обиды и притѣсненія: запрещали Кириллу служить по славянски. «Молиться нужно или по римски, или по гречески, не то по еврейски, потому что когда Христось былъ распятъ на крестѣ, то у него надъ головою Пилать велѣлъ повѣсить доску съ надписью на трехъ языкахъ, на еврейскомъ, на греческомъ и на латинскомъ; и этимъ, значитъ, Пилать показалъ и утвердилъ навсегда, какіе народы любезнѣе всѣхъ Богу». Такъ нѣмецкіе священники толковали, а Кирилль имъ по книгамъ выводилъ, что всѣ народы и всѣ языки имѣютъ къ Богу доступъ въ молитвѣ. И много было у Кирилла по этой причинѣ споровъ.

Стали еще нѣмецкіе священники писать римскому папѣ жалобы, что «пришли къ намъ изъ Царьграда какіе

то проповѣдники, обѣдни служатъ въ нашихъ приходяхъ и церкви святятъ—насъ не спрашиваютъ, весь народъ противъ насъ настраиваютъ. Прежде мы людей моравскихъ держали въ страхѣ и отъ нихъ имѣли доходъ и честь, а нынѣ тѣ моравскіе люди знаютъ насъ не хотятъ: встрѣчается славянинъ съ кѣмъ нибудь изъ насъ и не кланяется—мимо идетъ. Всей власти мы лишились и денегъ у насъ нѣтъ».

Дошли къ папѣ Николаю челобитья нѣмецкихъ священниковъ на Кирилла и Меѳодія, дошла къ нему и молва о святости ихъ. И не зналъ папа римскій, что думать о греческихъ проповѣдникахъ; захотѣлъ онъ ихъ видѣть и вызвалъ ихъ къ себѣ изъ Моравіи.

Кириллъ и Меѳодій взяли книги славянскія, взяли мощи святаго Климента, учениковъ нѣсколькихъ, и пошли.

Была имъ по дорогѣ Паннонія: въ ней квяземъ былъ Коцель, сынъ Прибины. Онъ ихъ позвалъ къ себѣ въ Блатно, и они тамъ у него долго прогостили, окрестили многихъ. Со всей Панноніи сходился народъ слушать святыхъ братьевъ. И ученики новые вокругъ нихъ собрались: пятьдесятъ славянъ паннонскихъ научили грамотѣ и церковной службѣ Кириллъ и Меѳодій, пока жили въ Блатнѣ. При прощаніи Коцель ихъ награждалъ дарами, но они не приняли даровъ, а такъ же, какъ въ бозарской землѣ, просили князя освободить невольниковъ, что на войнѣ были взяты и что отъ бѣдности попали въ кабалу. И по тому святыхъ угодниковъ прошенію отпустилъ Коцель на волю девятьсотъ рабовъ.

За Панноніей Кириллъ и Меѳодій миновали береговья славянскія земли: хорватскую землю, и Далмацію, и землю сербовъ приморскихъ; вездѣ учили и крестили народъ.

Пришли въ городъ Венецію. Тамъ, какъ на сокола вороны, напали на Кирилла латинскіе священники, стали его обвинять неправильно и грамоту славянскую стали хулить. Говорили они: «Что ты обѣдню служишь не какъ всѣ, а по новому, какъ простые люди говорятъ? развѣ не знаешь ты, что славить Бога можно лишь на трехъ языкахъ: на еврейскомъ, на греческомъ и на латинскомъ? И

откуда ты взялъ свои буквы: про нихъ ни у апостоловъ, ни у святыхъ отцовъ не сказано?»

Кириллъ отвѣчалъ: «Солнце надъ всѣми свѣтитъ, и дождь всюду идетъ, и вся тварь дышетъ одинаковымъ воздухомъ. Такъ и Слово Божіе, сказалъ: для всѣхъ оно дано, и всѣмъ должно быть открыто. Вы говорите, будто есть три языка для церковной службы; а мы знаемъ, что многіе народы сирскій народъ, и армянскій, и египетскій, и другіе разные служатъ Богу каждый на своемъ языкѣ. Никто этихъ народовъ за это только еретиками не считаетъ, и великіе у нихъ намъ извѣстны подвижники, святые передъ Богомъ. А про буквы я скажу вамъ: мнѣ ихъ Богъ явилъ. Развѣ Богъ неволенъ въ своихъ дѣлахъ? вы Богу грубите вашею молвю, что не всякому языку свои буквы. Если, по вашему, Богъ не можетъ каждому народу даровать отдѣльную грамоту, значить, Богъ не все можетъ, не надъ всѣмъ властенъ; а не хочетъ если, то Богъ у насъ несправедливый, не всѣхъ равно любитъ. И какъ же это у трехъ языковъ будутъ книги, а прочіе всѣ люди на землѣ останутся въ незнаніи и въ неученіи, словно въ ночи темной: будутъ, какъ убогіе, слѣпые или глухіе, и пойдутъ, все равно, что отъ стола чужаго питаться, у иноземцевъ мудрости искать.

«Впрочемъ чтобъ не думали вы, что слова мои отъ меня самого и по этому ересь, то вотъ вамъ книги. Давидъ поетъ въ псалмахъ: *Хвалите Господа вси языцы, похвалите его вси людие* (Псаломъ 116, 1). Христосъ говоритъ въ Евангеліи: *Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мѡ. гл. 28, 19). И еще сказано, это уже объ васъ: *Горе вамъ книжницы и фарисее лицемери, яко затворяете царствіе небесное предъ чловѣки: вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити* (Мѡ. гл. 23, 13)».

Такъ и не осилили Кирилла въ спорѣ латинскіе священники; онъ же ихъ пристыдилъ.

Изъ Венеціи Кириллъ и Меодій двинулись прямо въ Римъ, а въ то время умеръ папа Николай и вмѣсто него былъ въ папы избранъ Адрианъ II-й.

Услыхалъ новый папа, что Кириллъ и Меѳодій идутъ близко и мощи Климента святаго несутъ; и вышелъ на встрѣчу Адрианъ со всѣмъ клиромъ и со всѣмъ народомъ. У всѣхъ въ рукахъ были зажженные свѣчи; священники пѣли молитвы.

Адрианъ благословилъ Кирилла и Меѳодія и принялъ отъ нихъ въ даръ Климентовы мощи; тутъ же отъ этихъ мощей начались чудеса. Одинъ былъ въ Римѣ разслабленный съ дѣтства: онъ прикоснулся къ мощамъ и выздоровѣлъ. Книги славянскія тоже принялъ папа Адрианъ, отнесъ ихъ въ церковь Пресвятой Богородицы и самъ святилъ ихъ. На завтра перенесъ Адрианъ книги въ самую большую римскую церковь, въ соборъ святаго Петра, сложилъ ихъ тамъ на престолѣ и приказалъ Кириллу отслужить по нимъ славянскую литургію. Затѣмъ опять въ другой церкви служилъ Кириллъ: каждый день гдѣ нибудь въ Римѣ шла обѣдня по славянски.

Но и въ Римѣ нѣкоторые не почитали славянской службы, толковали, что лишь на трехъ языкахъ молитва угодна Богу. Тѣхъ папа Адрианъ проклиналъ, называлъ триязычниками, пилатниками, потому что ихъ ученіе было не отъ Христа, а отъ невѣрнаго Пилата. И посвятилъ папа Меѳодія во священники.

Два епископа римскихъ обидѣли Кирилла: подняли голосъ противъ его книгъ. Папа пригрозилъ этимъ епископамъ своимъ проклятіемъ; тогда они принесли повинную. Адрианъ ихъ простилъ и велѣлъ имъ посвящать учениковъ Кирилла и Меѳодія, трехъ во священники, а двухъ во діаконы.

Римскіе люди толпами окружали Кирилла, спрашивали у него про все прежнее, что съ нимъ бывало, какъ онъ училъ народъ въ Моравіи и въ другихъ мѣстахъ, какъ мощи святаго Климента изъ моря доставалъ. Иные по-два, по-три раза приходили къ философу: не могли вдосталь послушаться его рѣчей. Навѣдался одинъ жидовинъ разумный и внижный: сначала онъ гордо заспорилъ, что нѣтъ Христа. Но какъ сталъ говорить Кириллъ, какъ раскрылъ свою мудрость; то смирился этотъ жидовинъ и обратился

въ христіанскую вѣру. И радость была о томъ Кириллу.

Кириллъ все прежде былъ хворый: въ Моравіи ходилъ чрезъ силу, въ Римѣ совсѣмъ разболѣлся. И послалъ ему Богъ откровеніе, что смерть его настаетъ. Тогда Кириллъ облекся въ свою самую хорошую, праздничную одежду и сказалъ: «теперь я ни царю, ни кому на землѣ не слуга, Одному Богу». На другой день Кириллъ постригся въ монашество. При постриженіи онъ и принялъ имя Кирилла, а прежде его имя было Константинъ; Кирилломъ же онъ потому назывался, что такъ ему Богъ велѣлъ, когда явился ему въ откровеніи. Послѣ того Кириллъ пролежалъ больной 50 дней; все молился Богу со слезами, чтобъ не оставилъ Богъ славянскія земли, не попустилъ бы стереться въ нихъ правой, христіанской вѣрѣ.

И когда началъ умирать Кириллъ, то позвалъ Меодія и сказалъ ему: «Трудились мы съ тобою, какъ пара воловъ подъ ярмомъ, и вотъ я падаю среди поля на бороздѣ. Я знаю, братъ, что ты любишь свою тихую гору, монастырь свой; но прошу тебя, не оставляй земель славянскихъ, этимъ ты вѣрнѣе спасешь душу». Еще съ ученигами простился Кириллъ: въ послѣдній разъ наставилъ ихъ о вѣрѣ, поцѣловалъ каждого изъ нихъ, благословилъ и сталъ объ нихъ обо всѣхъ молиться Богу. Потомъ затихъ. И вдругъ опять поднялъ голову и промолвилъ: *Благословенъ Богъ нашъ, уже не дастъ насъ въ ловитву зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, но съеть ихъ сокрушится и избави ны отъ истльнїя ихъ.* Съ этимъ словомъ преставился Кириллъ февраля 14-го дня 869 года. Всей жизни Кирилла философа было 42 года.

Пришелъ Меодій къ папѣ Адриану, плачетъ—говорить: «Братъ мой умеръ; позволь мнѣ, отче, взять его тѣло. Когда наша мать насъ отпускала, то заповѣдала намъ: если одинъ умретъ, долженъ другой везти его на родину хоронить». Папа далъ свое согласіе и самъ приказалъ сдѣлать для Кирилла гробъ крѣпкій, чтобъ годился въ дорогу. Вдругъ пришли къ папѣ римскіе епископы и сказали ему: «Мы Кириллова тѣла не отпустимъ. Богъ намъ этого праведника привелъ и отъ насъ его взялъ; пусть его

прахъ съ нашими угодниками почіеть». Адріанъ отвѣтилъ на это епископамъ: Если вы такъ уважаете Кирилла, то я, ради его святости, преступлю римскіе обычаи, погребу его въ храмъ святаго Петра, гдѣ патріарховъ лишь римскихъ погребаютъ».

Когда объ этомъ рѣшеніи узналъ Меѳодій, то онъ пришелъ на совѣтъ папы и епископовъ и сказалъ имъ: «Вы моей слезной жалобы не послушали, волю родительскую не допустить меня исполнить». Послѣ опять сталъ просить: «Не хороните моего брата у св. Петра, похороните его у св. Климента, гдѣ Климентовы мощи лежатъ. Явились ему эти мощи изъ морской глубины, и въ странствіяхъ онъ съ ними не разставался, пусть и успокоится подлѣ нихъ». Въ этотъ разъ епископы Меѳодію не прекословили: погребли Кирилла въ церкви св. Климента. Отпѣвалъ его папа римскій Адріанъ со всѣми священниками и черноризцами, какіе были въ Римѣ.

Латинскіе епископы хотѣли посмотрѣть Кирилла въ гробу, какъ онъ лежитъ, но имъ гробъ не открылся: сколько ни трудились, не могли поднять крышки; такъ и опустили въ землю.

Прославилъ Богъ Кирилла: всѣ больные исцѣлялись отъ его гроба. Другіе не могли придти въ церковь, но поминали въ молитвѣ имя Кирилла, и это было имъ на пользу. Римскіе люди на стѣнѣ церковной надъ гробницею Кирилла написали его ликъ, и зажгли этому образу неугасимыя лампы.

(Окончаніе будетъ).

Пожертвованіа

въ пользу нишневскаго семинарскаго трех-святительскаго братства.

Пожертвовано дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Егоровичемъ Катаржи и его супругой Ольгою Николаевною 10 руб., дворянкою Анною Васильевною

Строжеско 10 р., дворянкою Целагѣю Анашьевою Монастырскою 3 р., дворянкою Леонидою Владиміровною Кристи 3 р., дворянкою А. Кристи 1 руб., дворянкою А. П. Бассо 1 р., полковникомъ Степ. Васильев. Ивановымъ 3 р., учителемъ Алексѣемъ Марковичемъ Когульскимъ 3 р., преподавателемъ Ев. А. Сахаровымъ 3 р., прислано собранныхъ пожертвованій благочиннымъ протоіереемъ о. Теодоромъ Лашковымъ 13 р., прислано собранныхъ пожертвованій благочиннымъ священникомъ о. Андреемъ Гинкуловымъ 22 р.

ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО ОБЩЕСТВА В О З В А Н І Е.

Близъ Храма Воскресенія Господня въ Іерусалимѣ принадлежитъ Россіи мѣсто, которое до послѣдняго времени оставалось пустыремъ, покрытымъ вѣковымъ мусоромъ.

Православное Палестинское Общество, по мысли и предложенію своего Августѣйшаго Предѣдателя Государя Великаго Князя Сергія Александровича, предприняло, на пожертвованныя Его Императорскимъ Высочествомъ средства, раскопки на этомъ мѣстѣ, съ двоякою цѣлью: разъяснить планъ воздвигнутыхъ Равноапостольнымъ Императоромъ Константиномъ сооруженій на мѣстѣ смерти и воскресенія Господа нашего Іисуса Христа и отысканіемъ направленія старой городской стѣны Іерусалима—подтвердить подлинность чествуемой всѣмъ христіанскимъ міромъ пещеры, служившей погребальнымъ ложемъ Богочеловѣку.

Совершенныя Обществомъ раскопки увѣнчались, по благословенію Свыше, успѣхомъ, превзошедшимъ надежды и ожиданія. По очищеніи мѣста до природной скалы отъ лежавшаго на немъ слоя вѣковаго мусора, найдены остатки древнихъ городскихъ стѣнъ Іерусалима и порогъ воротъ ведущихъ за городъ во время земной жизни Спасителя? Такъ какъ ворота сіи ближайшія къ Голгоѣ, то съ не-

сомнѣнною достовѣрностію можно сказать, что чрезъ нихъ проходила конечная часть Крестнаго пути, по которому Господь нашъ Иисусъ Христосъ былъ веденъ на вольную страсть.

Въ настоящее время, когда Промыслу Божию угодно было открыть для чествованія христолюбивыхъ поклонниковъ стезю, по которой шествовалъ Спаситель на Крестную смерть за грѣхи рода человѣческаго, на Православномъ Палестинскомъ Обществѣ лежитъ священная обязанность защитить сіе мѣсто особымъ сооруженіемъ отъ разрушительнаго вліянія зимнихъ дождей и непогодъ.

Въ виду этой цѣли Православное Палестинское общество приглашаетъ всѣхъ благочестивыхъ православныхъ людей, которымъ дороги мѣста, освященные земною жизнью и страданіями Христа Спасителя, придти Обществу на помощь своими пожертвованіями, да вновь не запустѣетъ мѣсто свято.

Пожертвованія могутъ быть доставляемы въ Совѣтъ Православнаго Палестинскаго Общества:

чрезъ мѣстное епархіальное начальство;
или прямо въ Совѣтъ Общества въ **С.-Петербургѣ**:
чрезъ Контору Двора Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергія Александровича, Собственный Его Высочества дворець, и на имя Казначея Общества Сергія Дмитриевича Лермонтова, Манежный переулокъ, 7.

Жертвователи могутъ пересылать свои приношенія и чрезъ Уполномоченныхъ Общества:

въ Москвѣ—Священника Гавриила Григорьевича Срѣтенскаго, Большая Никитская, въ домъ церкви Малаго Вознесенія, и Андрея Николаевича Лѣнинова, Пятницкой части, Лужниговскій пер., въ своемъ домъ;

въ троице-Сергіевой Лаврѣ—о. Агапита, въ Новой гостинницѣ;

въ Кіевѣ—Протоіерея Илью Тихоновича Экземплярскаго, Фундуклевская улица, въ Коллегіи Галагана, Протоіерея Петра Гавриловича Лебединцева, въ домъ Софійскаго Собора, и о. Іеромонаха Александра, въ Лаврской гостинницѣ;

въ **Одессѣ**—Протоіерея Александра Николаевича Кудрявцева, въ Университетѣ, и Михаила Ивановича Осипова, Воронцовскій пер., въ домѣ Бодаревскаго;

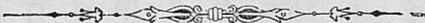
въ **Воронежѣ**—Ризничаго Митрофаніева монастыря о. Геромонаха Платона;

въ **Перми**—Дмитрія Дмитриевича Смышляева;

въ **Казани**—Николая Васильевича Саврасова, Чернотерская улица, въ домѣ Журакиныхъ;

въ **Полоцкѣ**—Петра Михайловича Казначеева и

въ **Читѣ**—Ивана Васильевича Махова.

Имя въ сѣхъ Евразійскихъ вѣдомостяхъ въ 1852 г. — 1 и 15 июля.
Имя вѣдомостяхъ Евразійскихъ вѣдомостяхъ въ 1852 г. — 1 и 15 июля.
Имя вѣдомостяхъ Евразійскихъ вѣдомостяхъ въ 1852 г. — 1 и 15 июля.

Редколлеція
Дополнено вѣдомостяхъ Евразійскихъ вѣдомостяхъ въ 1852 г. — 1 и 15 июля.
Дополнено вѣдомостяхъ Евразійскихъ вѣдомостяхъ въ 1852 г. — 1 и 15 июля.
Дополнено вѣдомостяхъ Евразійскихъ вѣдомостяхъ въ 1852 г. — 1 и 15 июля.

Содержаніе.

Оффиціальная часть. 1) Опреѣленія Св. Синода. 2) Распоряженія епархіального начальства.

Часть неоффиціальная. 1) Слово въ недѣлю вай, сказанное Высокопреосвященнымъ Сергіемъ Архіепископомъ Кишиневскимъ, въ кафедральномъ соборѣ, 17 марта. 2) Кирилль и Меодій апостолы славянскіе. 3) Пожертвованія. 4) Воззваніе Палестинскаго Общества.

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяць — 1 и 15 чисель.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою на домъ 4 рубля.

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей при духовной семинаріи и у мѣстныхъ благочинныхъ.

Редакторы { Протоіерей Х. Бочковскій.
М. Енури.

Дозволено цензурою. Кишиневъ, 31 марта 1885 г. Цензоръ
Архимандритъ Аванасій.

Печатано въ типографіи Губернскаго Правленія.

